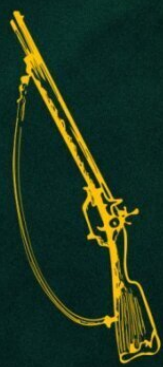

ОТ АВТОРА БЕСТСЕЛЛЕРА
«СОТНИК ИЗ БУДУЩЕГО»

АНДРЕЙ БУЛЫЧЕВ

ГРАНИЦА

ЕГЕРЬ ИМПЕРАТРИЦЫ

6

Егеръ Императрицы

Андрей Булычев

Егеръ Императрицы. Граница!

«Автор»

2022

Булычев А.

Егерь Императрицы. Граница! / А. Булычев — «Автор»,
2022 — (Егерь Императрицы)

Армия генерал-фельдмаршала Румянцева разгромила войска турок в Северной Румелии и перешла через Балканы. Блистательная Порта запросила мир, и 10 июля 1774 года он был заключен в местечке Кючук-Кайнарджи. Первая турецкая война Екатерины II, покрывшая славой русское оружие, завершилась для Российской империи великой викторией. Тем не менее угроза для ее южных земель со стороны турок сохранялась, а они сами не скрывали, что готовятся к реваншу. Русская армия, разбив неприятеля, отходила из Румелии, Валахии и Молдавии на свою территорию. Большая часть ее сил оставалась сейчас возле Днепра, защищая Новороссию. Особой роте егерей капитана Егорова было не до мирного отдыха. Именно их навыки ведения стрелкового боя в рассыпном строю нужны сейчас империи. Рота, к бою!

© Булычев А., 2022

© Автор, 2022

Содержание

Часть I	5
Глава 1	5
Глава 2	11
Глава 3	18
Глава 4	33
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Андрей Булычев

Граница!

Часть I

На Дунае

Глава 1

Полевой лагерь Первой русской императорской армии в Северной Румелии

Полевой лагерь Первой дунайской армии генерал-фельдмаршала Румянцева жил своей жизнью. В отдалении, ближе к лесу, там, где стояли гренадеры графа Вяземского, слышался барабанный бой. Из расположения Астраханского пехотного, растянувшего свои серые палатки за штабными шатрами, раздавались крики капралов и унтеров. В направлении Шумлы, обгоняя колонну какого-то пехотного батальона, пропылил эскадрон гусар. Два молодых солдатики с натугой тащили большой казан в сторону огороженного рогатками и плетнем временного городка, туда, где высились шатры командующего и всей его свиты. Пожилой унтер в накинутах поперх мундира фартуке ворчливо подгонял рядовых.

Жаркое июльское солнце раскалило воздух. Прошло уже три недели, как на землю Северной Румелии не выпадало ни единой капли дождя. В знойном мареве висела мелкая, как абразив, пыль, поднятая тысячами ног пехотинцев, копытами лошадей конницы, орудийными передками и повозками интендантов.

Вот уже второй час Лешка маялся на солнцепеке возле одного из шатров главного квартирмейстерства и все поглядывал в ту сторону, куда только что утащили обед.

– Должны бы уже скоро вернуться, вашбродь, – кивнул комендантский капрал в ту же сторону. – Вона, повара туды последний котел потащили. Значится, и их высокопревосходительства совсем скоро изволят откусать, а всех, кто с каким делом у них тама был, стало быть, отпустят от себя. Потом оно, конечно, им и поспать надобно будет. Ну а как же опосля хорошего обеда да в такую вот жару им и не поспать? А вы бы пока в тенек все же зашли, господин капитан, напечет ведь вам голову. Вона с самого утра ажно солнце как жарит! Ну, чисто ведь пекло, и какой уже день!

– Ладно, Селантьевич, немного осталось, потерплю. Все правильно говоришь, я вот за этот шатер покамест зайду, вот там, в теньке-то, и буду дожидаться, – Алексей кивнул на небольшую полоску тени, видневшейся за выцветшей на солнце парусиной.

– Ну да, ну да, ждатель-то оно так, это ведь завсегда тяжело, – вздохнул пожилой ветеран и кивнул сменившемуся с поста солдатику. – Пошли, что ли, в роту, Ванька? С сапог тока вон пыль себе сбей! А ты давай, Устимов, принимай, значится, свой пост! Смотри только у меня, чтобы здесь порядок завсегда был, и как только их высокоблагородия завидишь издали, так сразу же господину капитану об этом доложи. Ну все, меняйтесь теперяча!

– Караул сдал! – пересохшими губами проскрипел сменяющийся и, перекинув фузею на плечо, шагнул в сторону.

– Караул принял! – молодой солдат встал на плотный, вытопанный участок земли и опустил свое ружье к ноге.

«Да, вот кому не позавидуешь, стоять на самом солнцепеке, – подумал Егоров. – Скорее бы уже со мною все решилось. Да хоть и под арест, лишь бы была какая-нибудь определенность».

Шел уже пятый день, как ополовиненная рота егерей вернулась в полевой лагерь русской армии с Ришского перевала. Трижды за это время Лешке пришлось давать пояснение скучным штаб-офицерам, как в устном, так и письменном виде, и отвечать на множество всяких вопросов о боях за эти последние два месяца. Опросили также всех его обер-офицеров и даже трех старших унтеров водили под караулом в штабные армейские шатры.

– Все про вас выпрашивали, ваше благородие, – доложил по прибытии хмурый Макарович. – Как вы роту ночью после Козлуджи поднимали и как велели её тихо из дивизионного лагеря выводить. К кому перед этим ходили, и долго ли вы времени были там. Ну и про перевал, это уж само собой, тоже много у нас выпрашивали. Особливо про то, почему мы с егерями бригадира Заборовского обратно под Шумлу не ушли и как встречали у крепости этих турчанских вельмож.

Копали глубоко. Лешке даже пришлось вспоминать события трехлетней давности по кровавым боям у крепости Журжи. Припомнили ему и дело с полковником Думашевым, но особенно много вопросов было по службе под началом Суворова.

– Под Александра Васильевича роют, – понял Егоров. – Я-то им что? Так, лишь сошка мелкая, капитанишка, завернутый в зеленое сукно, которого с высоты властителей мира сего и разглядеть-то даже сложно. А тут вон целый генерал-поручик, только что недавно командовавший одной из четырех дивизий армии. Видать, никак не может Каменский простить ему той победы под Козлуджи! Без него ведь там самую главную армию османского визиря Суворов разгромил, когда генерал свои войска начал назад от неприятеля отводить. Все злобится, все причину ищет, как бы ему на своем сопернике отыграться и как выставить его в самом черном свете! Самоуправство ли это было или же он специально под удар превосходящих сил турок русскую армию подставлял? А не умышленно ли он пытался сорвать высокие переговоры с турками тем стремительным броском егерей на горный перевал?! И ведь всего-то какой-то единственной ротой была взята тамошняя крепость, еще и удерживаемая потом целых две недели. Очень все это как-то подозрительно!

Ну да, с Каменского станется, сказывают же, что у него связей хоть отбавляй в самых верхах. Как-никак из сиятельных господ он сам и с нужными людьми всегда знает. Да и перед командующим армией генерал-фельдмаршалом Румянцевым хорошо умеет Михаил Федотович выслужиться. Еще и подать себя ретивым исполнителем высшей начальственной воли старается.

А Суворов что? Да выскочка он, паяц, шут гороховый! Ему бы не воевать и тысячами солдат командовать, а в своем поместье, дураку, безвылазно бы сидеть! А что победы? Да какие там у него победы, так, лишь досадная случайность и простое везение! Разве же это правильно – так, как он, воевать: не полными своими восемью тысячами сорокатысячную армию визиря с ходу атаковать, да еще и после длительного, скоростного марша и в изнуряющую страшную жару! Вон как своими войсками он рисковал! И ведь не послушал никого, откинул все указания начальства, крайне опрометчиво он сам действовал! А если бы разбили его турки там, у Козлуджи, а потом и на дивизию Каменского бы налетели всем скопом?! И все, считай, что нет половины армии у русских за Дунаем. Разбивай их жалкие остатки да заходи беспрепятственно в пределы самой империи!

Ну да, именно так или примерно вот так их превосходительство и «топил» сейчас своего соратника по оружию, боевого генерала, добывшего славу русскому оружию и фактически поставившего победную точку в этой войне. Как там, у классиков? Пока талант пробьется, бездарность уже успеет выслужиться?! Вот как раз в точку! – вздохнул Алексей.

– Ваше благородие, ваше благородие, господин капитан! – послышался голос из-за палатки. – Кажись, там их высокоблагородия к нам идут, – караульный кивнул в сторону дальних шатров.

Действительно, в приближающемся офицере Алексей сразу же узнал своего шефа, главного квартирмейстера армии и представителя Военной коллегии полковника фон Оффенберга.

«Ну вот, похоже, сейчас все и прояснится, – подумал он, вглядываясь в хмурое лицо штаб-офицера. – Видно, не все так радужно, а, да и ладно, мне стыдиться нечего, будь что будет! Лишь бы к ребятам вопросов не было и не расформировали с таким трудом сколоченную, обученную и прошедшую крещение огнем этой войны роту».

– Здравствуй, здравствуй, капитан, – кивнул полковник, оглядывая егеря. – Запарился уже, небось, меня тут ждать? Ну, давай, заходи. Часовой! – окрикнул он застывшего караульного. – Ко мне пока никого не пускать! Я занят буду!

Внутри шатра стояла духота и было вряд ли прохладней, чем на улице. Одно лишь благо, что здесь не было того прямого палящего солнца, как за белой выцветшей парусиной. Барон, вздохнув, ослабил завязки своего шелкового черного галстука и расстегнул верхнюю пуговицу на камзоле.

– Подсаживайся к столу, Алексей, – кивнул он на небольшую скамейку, стоявшую рядом с его походным столом. – Разговор у нас с тобой небыстрый будет, а, как у нас говорится, в ногах правды нет. Так что нечего тебе тут посредине шатра истуканом торчать. Садись, да садись ты уже, – чуть поморщился он, глядя на уставную, стоящую по стойке смирно фигуру офицера.

– Так, ну что тебе сказать? Из хорошего у меня для тебя лишь то, что высокой комиссией, проводящей расследование действий особой роты главного квартирмейстерства армии, признано, что твоей вины в неисполнении приказа командира дивизии, генерал-поручика Каменского в том, чтобы оставить Ришский перевал, нет. Ибо находился ты до самого своего выхода из полевого лагеря под командованием у генерала Суворова. И о том, что он от одного отстранился, не знал. Установлено, что нет твоей вины и своеволия и в том, чтобы занять Ришский горный перевал. Собственноручно написанное распоряжение Суворова тут пришлось как раз в помощь, и нашелся-таки тот письменный приказ по главному квартирмейстерству о передаче вас в его непосредственное и прямое подчинение. И как только сразу его не нашли? Удивительно сие! Ох уж эта канцелярия, ох эти бумажные души! Затеряли, видать, они его сами, не в ту папку документ сунули, – и он иронично хмыкнул. – С этим-то со всем ладно, ну а вот теперь мы переходим к плохому. После десяти дней осады в крепости твоя рота влилась в состав бригады Заборовского и затем ушла с ним на равнину к Бургасу. Потом бригада получила приказ вернуться в Шумлу к основным нашим войскам, а вот ты опять занял ранее оставленную тобой крепость и удерживал ее до подхода меня и секунд-майора Сулина. Вот здесь уже так, как раньше, «по-простому» не отвертишься. Бригадир ведь фактически включил твою роту в состав своего подразделения, и выходить обратно с перевала вы должны были вместе с ним. Но ты же у нас самый умный стратег и посчитал, что вполне вправе поступать именно так, как тебе хочется. А этим чуть было не сорвал всю сложную комбинацию по ведению переговоров генерал-фельдмаршала. Ты хоть сам-то представляешь, что бы было, если бы Реис-эфенди Ибрагим Мюниб, стряхнув с себя мозги своего сотника, убитого прямо у него на глазах, развернулся бы возле крепости и убрался восвояси в Стамбул? А, Егоров, представляешь?! – барон пристально смотрел на Лешку. – Ну-у? Чего ты молчишь?

– Но он же не убрался, ваше высокоблагородие, – вздохнул молодой офицер. – Значит, ему мир был даже еще нужнее, чем нам. А убрался бы... – и Лешка, набравшись храбрости, поднял глаза на куратора. – Тогда бы наши дивизии перешагнули через удерживаемый перевал и двинулись бы к проливам. И неизвестно еще, какие условия мира были бы тогда, когда мы подошли бы к столице турок.

Фон Оффенберг откинулся на спинку своего массивного стула и с прищуром уставился на егеря.

– Егоров, вот скажи мне на милость, почему я все время должен тебя откуда-то вытаскивать, а? Ну что у тебя за талант-то такой – находить себе неприятности? Очень крупные неприятности, хотелось бы заметить! Странный ты человек, молодой, в чем-то развитый не по годам и в то же время вот дурак дураком, словно бы недоросль поместный. Как будто в тебе две личности одновременно уживаются! Ты делаешь выводы и принимаешь решения и как зрелый муж, и как глупый мальчишка одновременно. Как так-то?! – полковник уставился в стол, посопел, как видно обдумывая, стоит ли ему вообще продолжать весь этот разговор. И наконец, похоже, принял решение. – Ладно, в твоих словах и в поступках, конечно, есть свой резон, если оценивать их с уровня все-ем молодого офицера. Ну вот, захотелось тебе совершить подвиг во славу Отечества. Проявил ты самостоятельность и положил половину роты, разменяв ее на несколько сотен жизней врага. Только вот у молодых офицеров всегда ведь есть те рамки, которые им ставят более сведущие и умудренные жизненным опытом начальники. А тут ты действовал совершенно самостоятельно, основываясь только лишь на своем личном и узком видении обстановки. Если бы ты ушел вместе с бригадой, если бы ты только ушел... – и барон хлопнул ладонью по столу. – Ладно, в любом случае мирный договор уже заключен, и ни ты, действуя из лучших побуждений, ни многочисленные внешние силы изменить уже здесь ничего не смогли. Осталось его только ратифицировать, а для этого нам нужно время. Мы не могли идти на Стамбул, Алексей, – вздохнул барон, – никак не могли. Во всяком случае, не сейчас. Это означало бы, что мы начинаем войну сразу с несколькими европейскими государствами, крайне не заинтересованными в таком резком усилении Российской империи. Три полнокровных австрийских корпуса только лишь ждут сигнала, чтобы ударить нам в открытый фланг в Верхней Валахии. Франция и Англия готовы направить свои экспедиционные силы на помощь османам и запереть наш флот в Средиземноморье. Союз с Пруссией совсем не надежен. Фридрих думает только лишь о своей личной выгоде и ни за что не прольет за нас каплю крови своих гренадеров. В Швеции новый король спит и видит, как его корабли высаживают десант в устье Невы, а он потом стоит себе величественно на балконе Зимнего дворца и принимает оттуда парад своих войск. У нас нет столько сил и средств, Алексей, чтобы воевать со всей Европой, и только лишь из-за того, что какому-то капитану вдруг захотелось прогуляться по Стамбулу. Европа, – хмыкнул полковник. – Да что там далеко ходить, у нас вон Емелька Пугачев недавно Казань взял и теперь похвастается аж на саму Москву идти! Все уральские заводы уже в его руках, и теперь они ему пушки да ядра льют. Все Поволжье разорено и пылает восстанием. В центральных губерниях дворянские усадьбы горят, их хозяева вокруг на деревьях развешены, а толпы крепостных к самозванцу в войско спешат. Мы в шаге от той национальной катастрофы, какая случилась после смерти Бориса Годунова. Ты помнишь, что тогда было с Русским царством? Нет, прав, сто раз прав фельдмаршал Румянцев, разыгравший эту архизапутанную комбинацию с турками и заставивший их заключить с нами мир. Нам нужно время, чтобы привести все свои внутренние и внешние дела в порядок, а вот потом мы еще посмотрим, кто будет диктовать свою волю на Балканах.

Алексей сидел, вперив свой взгляд в стол. Сейчас ему хотелось просто провалиться на месте, хотелось сжаться в комок под этим ироничным и все понимающим взглядом. Вот так всегда, а ведь он хотел как лучше. Неужели все было зря? Все эти десять дней ожесточенных боев на перевале. Неужели зря легли в эту каменистую землю Болгарии десятки его ребят, его славных егерей-волкодавов?!

– Ну и чего ты, как девица-скромница, покраснел, а, капитан? – усмехнулся барон. – Дошло, наконец, до тебя, что не все так просто и не всегда самое быстрое и прямое решение есть самое лучшее? Ладно, вижу я, что у тебя голова наконец-то работать начала и что ты сам все понял, отчего это на тебя гнев начальственный вот так вот изобильно вдруг пролился. А то

интриги у него, видишь ли! Героев славных завистники грызут! Хотя и это, конечно, есть, не отрицаю. Ну как же без них?! – и он хлопнул Лешку по плечу. – Ну-ну! Не раскисать, капитан! Ты же вроде как самый главный у меня волкодав. Чего теперь нос-то повесил?! Ладно, скажу я тебе то, чего, может, и не надо было говорить, дабы воспитательный эффект от сего разговора не понизить. Не зря вы вцепились в те камни на Ришском перевале! Не зря все это, Егоров! И, похоже, не зря вы свои зубы показали самым большим министрам Блистательной Порты Оттоманской империи. Впечатлили, так сказать, произвели эффект! Не ожидали они для себя здесь такого приема! Ох, не ожидали! Думали, что перед ними тут заискиваться все сразу же будут. Станут церемониальные парады устаивать да пылинки с них сдувать, лишь бы такой нужный мирный договор в этой затянувшейся войне поскорее заключить. А тут на тебе! Вдруг разом мозги начальника охраны да на шитый золотом шелковый халат! Еще и жерла орудий со стволами штуцеров смотрят тебе прямо в душу! Ах, нахалы! – и Генрих Фридрихович аж причмокнул от удовольствия, как видно, мысленно смакуя и представляя всю эту картину. – Что Реис, что Нишанджи эфенди – все они в один голос потребовали у нашего главнокомандующего головы унизившего их русского молодого офицера в такой грязной зеленой форме, да еще и с волчьим хвостом на шапке. Но, как видно, в голове уже прокрутили, что раз русские себя так агрессивно ведут, так, значит, совершенно они в себе уверены и большую силу за собой чувствуют! Ну, разумеется, и их высокопревосходительство, он ведь тоже весьма не глуп, да и людей хорошо знает и чувствует, коли уж вообще до таких вот высот власти дошел. Румянцев разом на ступеньку выше требования от нашей стороны поднял. А что? Все равно ведь уже былого не вернуть, коли такое случилось. Ну вот такие у меня офицеры в войске, еле сдерживаю я их, сиятельные господа турки. Так и горят они желанием к вашим проливам идти да столицу Османской империи на свой остро отточенный штык взять! А за непочтительное отношение к столь уважаемым людям, как вы, это да-а. Ух, я его накажу! Ох и накажу нахала! Да по всей строгости! Даже не сомневайтесь, уважаемые министры Османской империи! И накажет ведь, Егоров, как-никак это же генерал-фельдмаршал, а не какой-нибудь там полковник, пусть даже и со связями! – барон с прищуром смотрел на Алексея. – Подробнейший рапорт о всех твоих похождениях, капитан, в ярких красках и в самом выгодном свете уже ушел туда, куда надо, – и он кивнул на крышу шатра. – Какая уж там реакция на него будет у сильных мира сего, я покамест и сам не ведаю, да и будет ли она вообще, мне это тоже сейчас неизвестно. Но вот что я в точности знаю, так это то, что тебе пока на глаза высокому армейскому начальству показываться вообще смысла никакого нет. Ну вот зачем ему портить такое хорошее настроение? У него сейчас одни лишь лавры по столь знаменательной виктории на уме. Ему нужно победные реляции наверх слать, повышения в чинах и больших премиальных оттуда ждать, а тут вдруг ты словно немой укор для его «чистой» и «незапятнанной» совести. Не-ет, точно, никак нельзя здесь светиться! Может, тебя вслед за генералом-поручиком Суворовым отправить? Его, я слышал, на поимку Емельки Пугачева к Волге готовятся послать.

Барон надолго задумался. Все это время Лешка сидел тихо – «как мышка», не желая мешать глубокому мыслительному процессу своего начальника. Наконец полковник, как видно, принял решение.

– Нет, на поимку Емельки вас отсылать тоже никак нельзя. Пусть без вас там кому положено с ним справляются, у тебя и так сейчас одно лишь название от роты осталось. Какие у тебя потери? Наверное, совсем обескровленная после последнего боя? Сам своими глазами видел, как ты едва ли семь или восемь десятков из той Ришской крепости выводил. Да и то они все поранены там были. Эко ведь потрепало вас? – и он сочувственно вздохнул.

– Из ста пятидесяти пяти человек полного состава сейчас в строю восемьдесят, – четко, на память доложил капитан. – Из безвозвратных потерь у меня пятьдесят шесть погибших и еще три инвалида. Итого пятьдесят девять. Несколько человек за эту неделю из полевого лазарета перешли на долечивание в роту, и теперь там, а также в гарнизонном госпитале Буха-

реста осталось шестнадцать егерей. Сколько времени им нужно на выздоровление и все ли они смогут это сделать – большой вопрос. В любом случае мы своих раненых не оставим и всем чем сможем им поможем. Чуть более половины роты готовы к бою, да и то большая ее часть с мелкими ранениями. И нам нужно около месяца времени, чтобы восстановиться. Да и то, как восстановиться? Один обер-офицер у меня, а именно полуротный, прапорщик Хлебников, на месяца два – это уже точно выбыл из строя. Погиб командир четвертого плутонга унтер-офицер Зотов. У самого старшего нашего утер-офицера Зубова отсекло руку, интендант роты без ноги. Погибли командиры двух отделений, капралы. Теперь полгода времени нам нужно, чтобы заново собирать роту и учить егерской науке новеньких. Нужно подбирать новых младших командиров. Да много еще чего нужно.

– Ну вот и займись этим, – кивнул одобрительно Генрих Фридрихович. – Роту и тебя самого удалось отстоять, подожди меня благодарить. Это генерал-майору Денисову спасибо нужно сказать, а то, знаешь ли, были серьезные потуги и против тебя, и против твоего детища. Так вот, наша армия до весенней распутицы следующего года должна быть вся полностью выведена в пределы южных губерний Российской империи. А уже сейчас, еще до конца июля и в самом начале августа она выводится на свой, левый берег Дуная из этой османской Северной Румелии. Вот и давайте выдвигайтесь-ка вы туда самыми первыми, нечего вам, как обычно, пыль в хвосте войск глотать да прикрывать их, все равно ведь сшибок с турками теперь не будет. По прибытии на место своего основного квартирования в Бухаресте займись восстановлением своей роты, она нам еще понадобится, но об этом я тебе уже позже скажу. Вот эти полгода времени, пока наша армия будет находиться в Валахии, у тебя как раз таки и будут, для того чтобы заново сколотить роту. Больших трудностей я здесь не вижу. Желających перейти «в волкодавы» сейчас хоть отбавляй, а опыта в подготовке людей у тебя и у твоих командиров предостаточно. Что, зря там у озер такие учебные полигоны простаивают? Жалко их, конечно, будет потом туркам оставлять. Но приказ Румянцева гласит однозначно и никакому разночтению не подлежит – в марте месяце последний русский солдат должен уйти за Буг, в пределы новых российских южных губерний к местам своей постоянной дислокации. Вот и давайте, пара дней вам еще, и начинай уже выдвигаться на Бухарест.

Лешка, посчитав разговор оконченным, вскочил со своего места и замер перед полковником по стойке смирно, готовясь уже выходить наружу.

– Подожди-ка, не спеши пока, капитан, – приостановил тот его. – Я вот что еще хотел тебе сказать. Твоя рота, Егоров, без преувеличения совершила подвиг, и для оценки, для осмысления одного потребуются какое-то время. Поверь, найдутся еще те люди, которые по достоинству смогут оценить это ваше дело. Готовь представление на всех своих офицеров, Алексей. Сейчас как раз тот случай, когда на войска прольется дождь из наград, чинов, званий и премиальных. А вот по тебе, капитан, тут, извини, тут уж пока придется слегка обождать. Но, уверяю, ничего не забыто. Просто нужно немного времени. Ты же и сам все это хорошо понимаешь? – и фон Оффенберг, как-то виновато вздохнув, отвел свой взгляд в сторону от стоявшего перед ним навытяжку офицера.

– Да я все понимаю, ваше высокоблагородие, – мягко улыбнулся Лешка. – Спасибо вам, Генрих Фридрихович. Разрешите идти? – и выскочил за полог после молчаливого кивка барона.

Глава 2

Особое задание

– Что у нас там с провиантом, Степан? – Егоров заглянул в интендантскую палатку роты, где тыловая группа под началом нового каптенармуса распределяла все полученное съестное по порциям.

Капрал Усков, вздохнув, показал на пару кадок с вымачивающейся в них солониной да на два больших куля с сухарями и мешком с дробленой пшеницей.

– Все как обычно, ваше благородие. Вот уже третий день как наш тутошний порцион не меняется. Свежей убоины до самых холодов, говорят, уже не будет. Всех покалеченных коней давно под нож уже пустили и съели, а у местных скотину и всякое съестное строго-настрого не велено отбирать. Да и за деньги даже у них покупать теперяча запрещено. Было бы чего скупать, так мы бы, конечно, и втихую сами с болгарами сторговались. В ротной, в общей кассе, серебро у нас пока что еще есть. Но здесь, в округе и так все уже давно подметено. Османы, вашбродь, хорошо постарались. А с сегодняшнего дня сухарную выдачу за счет снижения всего прочего увеличили. Вот, по два фунта сухарей каждому выдаем, – кивнул он на огромные рогожные кули. – Из армейского интендантства для господ офицеров сегодня опять по караваю хлеба и по полфунта доброй крупы выделили. Как прикажете, господин капитан, с энтим офицерским провиантом поступать?

– Так же как и в прошлый раз, капрал, – нахмурился Егоров. – Я ведь тебе уже отдал распоряжение – весь офицерский порцион для раненых. И на тех, что у нас тут в роте долечиваются, и в полевой лазарет тоже ребятам снесите. С врачами у меня уговор был, и они вам препятствовать не будут. Да, Степан, сегодня возьми туда с собой Мазурина, пусть Акакий Спиридонович тоже наших ребят поглядит. Там и так завал у армейских медиков, им уж точно не до особого отношения к егерям. А мы, как обычно, в солдатских артелях будем столоваться.

– Что, тяжело, Усков? – посмотрел он с сочувствием на только недавно назначенного на ротное интендантство капрала.

– Тяжело, вашбродь, – вздохнул тот. – И как только Потап Савельевич со всем этим справлялся? Уму непостижимо! Раньше только за свой десяток думать мне надобно было, а теперь вот за всю роту. И попробуй где чего упусти! Свои же боевые товарищи да с потрохами слопают! Уже вон этой солониной какой день меня попрекают, как будто это я тот порцион распределяю!

– Ничего, Степан Матвеевич, опыт – дело наживное, – подбодрил Ускова Лешка. – Крутись. Ко мне чаще подходи советоваться. К тем же вон нашим старослужащим. С другими интендантами тоже связи налаживай, они потом непременно тебе пригодятся. И готовь все наше ротное имущество к вывозу. Через пару дней мы выходим отсюда к Дунаю. Можно, конечно, и на руках это все тащить, но ты прояви все же солдатскую смекалку. Если где потратиться надобно, то принимай решение сам или у меня спрашивай. Главное правило ты знаешь – не воровать! Сам понимать должен – в полевых условиях с этим делом разбираются быстро. Вон те три виселицы у оврага не дадут мне соврать. Да, и по поводу скорого выхода ты смотри аккуратнее, это не для всех, а чтобы тебе было удобнее подготовиться.

Черпая из общего котла походное варево из сухарей, крупы и вымоченной солонины, Алексей с усмешкой наблюдал, как шепчутся между собой солдаты и унтера:

– О, послезавтра, с утра, затемно еще трогаем, братцы. Только это секрет, чтобы, значится, никому, смотрите – ни-ни!..

Рота подшивала мундиры, чинила разбитые сапоги и ременную амуницию. Какой уже раз перекладывались походные мешки и пионерские ранцы. Егеря готовились к долгой дороге.

– Ваше высокоблагородие, разрешите? – Алексей, дождавшись, когда в палатке его куратора никого не осталось, откинул ее полог.

– Ага, заходи, – кивнул тот. – Только что вот о тебе говорили с людьми, и как раз ты вон являешься. Долго жить будешь, Егоров, – и полковник с легкой усмешкой оглядел враз подобравшегося капитана.

Интуиция никогда не подводила Алексея. Людьми, совещающимися в палатке полковника, были помощник главного квартирмейстера подполковник Соболев и два офицера из особой службы господина Баранова. Сам он еще не вернулся с тайного своего выхода «за реку», и во время его отсутствия «особые обязанности» при штабе армии исполнял капитан Ветров.

«Что-то опять секретное. Если в строевых полках война закончилась, то вот в этих структурах она никогда не прекращается, – думал Егоров еще несколько минут назад. – Ну да ладно, похоже, это уже не по нашу егерскую душу. Для моей роты задача уже поставлена – это выход в место постоянной ее дислокации и восстановление боеспособности в течение полугода».

– Пришел, видать, доложить о готовности к выходу? Небось, завтра спозаранку, по холодку планируешь начать движение? А это, похоже, списки на отличившихся в последних сражениях?

Лешке можно было вообще ничего не говорить, полковник и так знал все, о чем он хотел сам только что ему доложить. Теперь оставалось лишь только ответить ему по-уставному: «Так точно» – и протянуть исписанные листки с представлениями.

– Подсаживайся, Алексей. Давай-ка мы не будем сегодня торопиться, а просто поговорим, – каким-то особенно ласковым голосом промурлыкал Генрих Фридрихович.

И от этого его обращения у Егорова вдруг мурашки пробежали по спине, а волосы встали на затылке. Так не раз уже бывало у него в предчувствии большой опасности. Лешка уже хорошо изучил своего начальника за эти четыре года войны, и тон этот он тоже уже знал. Вот именно после таких вот нежных обращений и «шуровала» отдельная егерская команда, а потом и рота на самые опасные свои задания. Похоже, интуиция и сегодня его не обманула.

«Ох, неспроста тут совсем недавно шептались “особисты” и большие люди из главного квартирмейстерства, сиречь штаба всей армии. Ох, неспроста, – думал Лешка. – Что-то сейчас обязательно выкатится и по его грешную душу».

Барон, словно бы просканировав своего собеседника, усмехнулся и углубился в чтение текста представления на отличившихся егерей особой роты.

– Ну что сказать, тут все выполнимо, – наконец поднял он глаза на капитана. – Рота проявила героизм в выполнении воинского долга и покрыла себя славой, отражая атаки превосходящих сил противника в течение долгих десяти суток. Еще и захватила при этом знамя целого алая янычар, а это, знаешь ли, очень даже серьезно! Ну-у, а про некоторые, так сказать, недоразумения, возникшие при всем этом, мы тут уже упоминать, пожалуй, не будем. Правда ведь, Алексей? – и Генрих Фридрихович как-то так по-отечески заботливо посмотрел на Лешку.

«Ну, точно, опять что-то от меня их высокоблагородиям нужно, – промелькнуло в голове у Егорова. – Хоть в пекло теперь полезешь, отрабатывая все свои прегрешения, и ведь слова даже против, хотя бы и так, для порядка, не вякнешь».

– Как скажете, ваше высокоблагородие, готов выполнить любое ваше приказание! – Лешка попытался было вскочить со скамьи, но был остановлен полковником.

– Вот-вот, а я ведь уже не раз говорил, что ты далеко не дурак, Алексей Петрович. Далеко не дурак и все-все прекрасно понимаешь. Правильно, капитан, только это пока даже и не приказание, а, скорее, ну-у... как бы просьба, что ли. Но вот иная просьба – она ведь гораздо сильнее, чем даже приказание от твоего прямого воинского начальника будет. Главное – это то, от кого вообще такая просьба исходит. А вот тут я тебе расскажу одну занимательную историю из своего личного опыта. Так, просто для общего твоего развития, Алексей.

Так вот, девять лет назад я был в майорском звании и только что перешел из гвардии на службу в Военную коллегию. Время тогда было очень интересное. Матушка-императрица Екатерина Алексеевна вот только недавно, после смерти своего супруга Петра Федоровича воцарилась на Российском троне и привела войска к присяге. Народу же о ее вступлении на престол было разъяснено на многочисленных площадях глашатаями, а в церквях по всей нашей огромной стране батюшками. Все, отныне власть у нас незыблема, а в самой империи устойчивость и порядок. Живи себе спокойно и работай дальше.

Но это же Россия, Алексей! Россия! Да как только умом ее можно понять али тем же аршином ее мятущуюся душу измерить?! Один за другим на ее огромных просторах начали появляться самозванцы, провозгласившие себя тем самым скоропостижно умершим императором Петром III. Все они как один заявляли себя справедливым и добрым царем, которого чуть было не убили за то, что вместе с известным манифестом о «вольности дворянства» они якобы хотели еще и дать народу «волю крестьянскую». Но вот этот самый второй манифест Екатерина Алексеевна и ее приближенные, дескать, от народа-то ведь скрыли, а вот на законного императора они, злыдни, покушались, и ему с огромным трудом, но все же самым чудесным образом удалось-таки от них ускользнуть.

Глухое роптание в нашем колоссальном и огромном массиве крестьянства, недовольство казаков из-за ущемления их былых вольностей и требования нести воинскую службу – все это и создавало такую благоприятную почву для появления этих самых самозванцев, выдававших себя за погибшего... хм, прошу прощения, оговорился, за умершего императора. Так вот, в 1765 году в Воронежской губернии объявился очередной, даже уже и не знаю, какой по счету, но быстро набирающий в народе популярность царь-амператор. Я был откомандирован с войсковой командой для его поимки и проведения полагающегося в таких случаях расследования.

Позже арестованный и допрошенный самозванец назвался Кремневым Гаврилой, рядовым ланд-милицейского Орловского полка. Дезертировал он с него после четырнадцати лет службы, ибо стало ему, как он сам позже пояснил, очень даже там скучно. Вот дабы разнообразить свою серую жизнь, он и сбежал с места квартирования воинской части. Сумел Гаврилка раздобыть себе лошадь, сманил на свою сторону двух крепостных помещика Кологривова, да и пошел с ними искать веселой жизни. А чтобы им легче подавали бы съестное и питье, назвался он «капитаном на императорской службе», и, будучи сам же зачастую пьяным, провозглашал он всюду, где они только проезжали, что совсем скоро все винокурение будет вовсе запрещено, а сейчас он якобы инспекцию сих злачных мест проводит. Для народа еще объявлялось, что сбор подушных денег и рекрутчина приостанавливаются на целых двенадцать лет.

В итоге, войдя во вкус, и побуждаемый своими сообщниками, решил он все-таки объявить всем свое «истинное царское имя». Какое-то время Кремневу даже сопутствовал успех. Селения губернии встречали его хлебом-солью и колокольным звоном, а вокруг самозванца собрался народ в более чем полтысячи человек. Но вся эта банда разбежалась разом во все стороны при первых же наших выстрелах. Гаврилку и его сообщников мы поймали и провели следствие, на котором они все дружно друг другу оговаривали.

Суд приговорил его к смертной казни, но матушка-императрица ведь у нас милостивая и просвещенная самодержица. Такого, что сейчас творится при Пугачеве, тогда ведь и в помине даже не было, так что отнеслись к беглому солдату тогда очень даже мягко. Екатерина Алексеевна собственноручно начертала на поданном ей отчете по сему делу дословно, – и барон, усмехнувшись, продекламировал: – *«Сие преступление произошло без всякого с разумом и смыслом соображения, а единственно от пьянства и невежества, что дальнейших и опасных видов и намерений не крылось. Попам указать, что поститься надобно не только в еде, но и в питье».*

Скажу тебе больше, когда императрицу спросили, в чем же причина этого ее последнего указания, она со свойственным ей юмором заметила, что *«...В другое время они закусывают,*

а во время поста без еды пьют». И что все это от дури людской и от безделия, а вовсе не от злого намеренья.

Самозванца было приказано возить по всем селам и местечкам, где он прежде объявлял себя императором. К его груди привязали доску с надписью «Беглец и самозванец», выставляли на позорище на ярмарочных площадях и прилюдно при этом секли кнутом. А солдату, исполняющему это наказание, велено было приговаривать: «Не в свои сани не садись, дурак!».

После этой поездки самозваному императору выжгли на лбу начальные буквы слов «Беглец и самозванец» – БС, да и сослали на вечное поселение в забайкальский Нерчинск. Туда, кстати, потом несколько таких же вот, как он, самозванцев еще уехало. Появлялись они у нас часто, словно бы грибы после теплого осеннего дождя, один за другим.

Вот только на память тебе – в том же шестьдесят пятом году объявился Петром III беглый солдат Брянского полка. До этого был разорившийся армянский купец Антон Асланбеков. Потом казак с Исетской провинции Конон Белянин и с ним же Каменщиков. Еще позже захотели царствовать подпоручик армейского Ширванского полка Иосафат Батурич и беглый солдат из Астрахани Мамыкин, который во всеуслышание объявлял, что он-де тот самый император, которому, конечно же, удалось скрыться от злых царедворцев, и что «он принимает опять на себя царство и будет льготить крестьян». Были крепостной Федот Богомолов и беглый каторжанин Рябов, да много еще кто. Ни один из них не был казнен, а некоторых так просто пороло и отправляли по полкам или же к своим помещикам под надзор.

Смотрели на все это как на какую-то придурь, но все кардинально изменилось с Емелькой Пугачевым. Этот самозванец, как ты и сам знаешь, нашей империи обходится сейчас очень дорого. Я для чего все это сейчас тебе рассказывал, Алексей, – полковник достал из лежащей перед ним папки пару листов бумаги и быстро их пробежал глазами. – В Османской империи отыскался очередной претендент на Российский трон, разумеется, опять же объявивший себя чудесно спасшимся императором, только вот вывезенным купцами в Стамбул. Есть большой риск, что на этого самого самозванца могут сделать ставку наши внешние враги, которых у нас, как ты и сам знаешь, сейчас очень и очень даже много. А я боюсь, что второго такого Пугачева, который сейчас выжигает Поволжье и Урал, наша страна теперь-то уже точно не вынесет. Тем более если его грамотно к нам сюда заведут, с хорошими советниками, оружием и денежными средствами для начальной раскрутки. Нам кровь из носа нужен продолжительный период спокойствия и развития для того, чтобы укрепиться. А как раз этого-то нас сейчас и хотят лишить.

Всех деталей операции, проводимой сейчас в глубине Османской империи, я тебе говорить не буду, да оно тебе и ни к чему. От тебя и от твоих людей сейчас нужно только лишь участие в последней, финальной ее части, а именно в обеспечении выхода той нашей группы офицеров, которые вывозят от турок захваченного самозванца. Ранее предполагалось три варианта его доставки к нам. Первый и самый очевидный – это, разумеется, морем в трюме какой-нибудь грязной рыбацкой посуды. Второй, чуть сложнее, через перевалы в закрытой посольской карете, которые по случаю оживленных переговоров сейчас курсируют в направлении Стамбул – Шумла довольно-таки часто. Ну и, собственно, третий, на который ты со своими егерями и будешь нужен. Он выглядит наиболее абсурдным, но что-то мне подсказывает, что как раз именно этот путь и могут избрать наши люди, дабы исключить все риски и противодействие противника. Этот путь в последнем своем отрезке лежит по речному пути Белград – Журжи. Именно по Дунаю лично я бы и вывозил этого самозванца.

Высокое и мудрое наше руководство, конечно же, со мной не согласно, и на первые два варианта оно выделило все необходимые силы, предоставив мне право лично прикрыть самый маловероятный третий путь. И вот тут как раз-то мне и будешь нужен ты и твои лучшие волкодавы. Дело это, капитан, секретное, и о нем знает только лишь несколько человек. Держи и ты все в самой строгой тайне.

Твоя рота завтра поутру, как мы раньше и обговаривали, выходит в сторону Селистрии и переправляется на наш левый валахский берег. Подгадай так, чтобы переправа ваша была уже в ночных сумерках. На правом берегу тебя будет ждать капитан Ветров из службы майора Баранова. Ты его уже знаешь, а он тебе дальше все объяснит, что вам нужно делать. Переправляться будешь вместе с двумя десятками своих отборных людей на речной шхуне местных моряков, тех, которые помогают нашим войскам. Так вот, объяснишься со своими остающимися людьми уже перед самой посадкой. Я думаю, что они там у тебя уже приучены лишние вопросы не задавать? Ну, вот и скажешь им, что отлучишься на пару недель в сторону Измаила и моря. Вся твоя рота высадится на берегу Валахии, а вы отделитесь от основных сил и продолжите плавание на своей шхуне ночью. Ну а все остальное тебе объяснят уже во время самого плаванья.

Подумай, кого тебе с собой взять. Я бы на твоём месте в первую очередь сделал упор на сербов. Ребята они уже достаточно выученные, тебе совершенно преданные, и с ними, пожалуй, было бы удобней всего действовать в столь необычном деле и в отрыве от армии. За средства и за прочее не переживай, у Ветрова все есть, и именно он непосредственно отвечает за это дело. На тебе и на твоих людях только лишь силовое прикрытие. Операция по похищению и вывозу самозванца уже началась, и тянуть с этим нам никак нельзя. Все ли понятно? Вопросы есть?

Вопросов не было, и, понимая, что этот разговор уже подошел к концу, Алексей встал с лавки.

– Удачи тебе, капитан, – полковник крепко сжал его руку. – Постарайся, чтобы все у вас там прошло удачно. Если сработает этот самый «третий вариант», то нам с тобой обоим будет гораздо проще потом сбросить со своей шкуры все те репы, что сейчас на нее так яростно липнут. Ни одна сиятельная с... – и барон сплюнул на землю. – Никто нас тогда уж точно не достанет с тобой. А уж как это все красиво подать наверх, то уже будет мое дело, и ты во мне даже не сомневайся, Егоров.

– Да я и не сомневаюсь, ваше высокоблагородие, – легко, как-то по-детски улыбнулся Лешка. – Уж я то вас тоже знаю, господин полковник. Небось, выучил за столько лет.

– Шире шаг, шире шаг, братцы! – поторапливал своих егерей Алексей. – До сумерек надобно нам до переправы поспеть, а до нее нам еще около десяти верст ходу осталось.

Второй день пути по жаркой Болгарии подходил к концу. Лица, сапоги и мундиры егерей были запыленными. Благо, что для этого перехода им выделили несколько выючных лошадей, и все тяжелое ротное имущество теперь следовало на них. В противном случае к нужному времени до Дунайской переправы дойти бы точно не успели.

– В сторону, эге-ей! – мимо егерей, обдавая их завесой пыли, проскочили две крытые курьерские кареты. Кучера и фельдъегери, сидящие на них в козлах, были чернее земли. Да и два десятка из конного сопровождения были ничуть их не лучше.

– Вона, гляди, прямо как арапы все, – кивнул в их сторону Лужин. – Та еще у ребяток служба! Что в зной, что в стужу, знай себе сломя голову гони, и такие важные документы в энти самые, в далекие столицы вези. У нас-то хоть, вона, ежели там чего вдруг кому приспичит, так и в кустики с тропки соскочить можно, а этим-то ох как там не просто! До почтового яма даже и встать не думай, три шкуры с тебя спустят за это! Ну все, братцы, пошли, пошли, а то капитан будет ругаться, – кивнул он на идущего сбоку строя командира. – Чегой-то шибко гонит Ляксей Петрович нас нонче. Видать, неспроста. Поспешать нужно, – и дозорный плутонг, ускорив свой шаг, снова набрал дистанцию между собой и основными силами роты.

Наконец, уже в сумерках подошли к огромной реке. На берегу сновала огромная масса народу. Всюду стояли телеги, передки и всевозможные повозки. Перемещались большие и

малые воинские команды, слышались крики и ругань. А из крытых парусиной огромных киби-ток доносились стоны раненых.

– Куды, ну куды ты прешь, капитан! Заворачивай своих обратно, вон туда, на берег и подальше! – махнул подходящему Егорову рукой запыленный и красный от загара штаб-офицер. – Сейчас лазарет на погрузку пойдет, а потом интендантские от Орловского пехотного полка. Здесь очередность за сутки вперед вся расписана, куда ты вот со своими стрелками сейчас тут лезешь?!

Алексей не успел ничего ответить. Перед командующим на переправе откуда-то сбоку вынырнул невысокий, худенький офицер и, кивнув ему на егерей, что-то зашептал.

– Ну так и забирай их сам поскорее! – буркнул тот и махнул рукой своему подпоручику. – Уткин, пропускайте зеленых! Не пристраивайтесь там, не пристраивайтесь за ними!

Под недовольное ворчание сотен людей рота егерей прошла скорым шагом за оцепление.

– Да-а, не просто будет всей армейской массе обратно на свой берег перемахнуть, – Лешка нога в ногу шел рядом с Ветровым.

– Да куда же мы денемся, все переправимся, хоть даже и вплавь, как только положенное время выйдет и турки из мест своих стоянок высыпят, – вздохнул тот. – То ли еще будет, когда сюда строевые полки от Шумлы подтянутся. Но вы молодцы, как раз ко времени явились. Илья, будем знакомы, – протянул он руку Алексею. – Столько лет бок о бок в квартирмейстерстве служим, а все как-то не приходилось с тобой в одном деле бывать. То ранения эти, то дальние и долгие выходы. Но мне про тебя Мишка Озеров много хорошего рассказывал, так что считай, что мы заочно друг с другом уже знали.

– Да, конечно, – улыбнулся Лешка. – И я про вас много доброго слышал, рад, что теперь вместе мы будем.

Этот невысокий, подвижный и простой в обращении капитан с открытым курносым лицом располагал к себе. Хотя и знал Егоров, что в его непростой службе вот такая простота – это скорее прикрытие. Ну да и ладно, поглядим, как там дальше будет.

– Алексей, давай уж без вы, по-простецки? – предложил Ветров. – Мы с тобой в одном звании, и я тебя своим старшинством тыкать не собираюсь. Все там в самой простой форме будем решать. Вон, кстати, и наши суда уже за той баржей стоят, – кивнул он на две шхуны, стоявшие с самого края длинной временной пристани.

«По-простецки», но про свое старшинство все же вскользь он упомянуть не забыл», – улыбнувшись, подумал Егоров и обернулся, оглядывая всю колонну.

– Два десятка с нами на эту, – кивнул Илья на меньшую, какую-то грязную речную посудину. – А всех остальных на вон ту большую заводи. Шесть десятков с трудом, но разместиться на ней все же сумеют. А за лошадей ты, Алексей, не волнуйся, они уже в комендантский батальон, что сейчас на пристани караул несет, с тебя списаны. Потом, как только мы отчалим, они их себе заберут. Ну, давай, Алексей, распределяйся, прощайся со своими, и через пятнадцать-двадцать минут нам уже нужно отчаливать. Как раз вон уже вокруг стемнело. Вот именно сейчас самое что ни на есть удачное время и нам от берега отходить.

– Рота, в четыре шеренги становись! – отдал негромкую команду Егоров. – Чьи фамилии я выкрикиваю, те переходят в отдельный pluton на наш правый фланг. Поручик Милорадович!

– Я! – откликнулся первый заместитель командира роты и, выйдя из общего строя, перешел на указанное место.

– Фурьер Шмидт!

– Я!

– Капрал Лужин!

– Я!

– Капрал Аникеев!

- Я!
- Капрал Вучич!
- Я!
- Капрал Афанасьев!
- Я!
- Рядовой Вучич!
- Я!..

– Поручик Милорадович! Ведите сборный pluton на эту шхуну, – Егоров показал рукой на меньшее судно. – Подпоручик Гусев, выйти из строя! Ко мне! – и, дождавшись, когда последний солдат из выделенной команды встал в правофланговую коробку, и она пошла за Живаном, обратился к оставшимся: – Братцы егеря, оставляю за себя на командовании роты подпоручика Гусева Сергея Владимировича. Подчиняться ему в мое отсутствие и помогать всемерно! Мы с выделенными из общего состава егерями убываем на особое задание командования в сторону моря. Вам в наше отсутствие надлежит пополнить роту и постараться, насколько это возможно, привести ее в боевое состояние. Ну а мы скоро вернемся, вы в этом даже не сомневайтесь, и продолжим начатое вами уже все вместе! Рота, смирно! Вольно! Сергей Владимирович, отойдем! – кивнул он заместителю. – Прости, Сергей, никак не мог я тебе раньше про все это сказать. Здесь послухов рядышком с пристанью нет, капитан Ветров об этом позаботился, а сейчас мы все уже совсем скоро на переправе будем. Ты сам нашу службу знаешь, не выбитый костяк из унтеров, капралов и старослужащих у нас в роте остался, так что тебе помогут. Если что, будут какие трудности – обращай напрямую к полковнику фон Оффенбергу в главное квартирмейстерство. Совсем скоро он уже и сам в Бухарест со всем главным штабом прибудет и не откажет там тебе в своей помощи. Ты, главное, не волнуйся и действуй по-хозяйски. Да, и про наших раненых не забывай, про тех, кто в Бухарестском госпитале лежит и кто в армейских полевых лазаретах из Румелии на левый берег Дуная сейчас подтягивается. На лечение и на все прочие ротные нужды деньги у нашего нового интенданта есть. Не скупитесь и при нужде тратьте их смело. Ну, вроде бы все! Давай, Серега, держись! – и капитан с улыбкой хлопнул подпоручика по плечу.

– Да ты сам, Леш, будь осторожнее, – улыбнулся тот. – Чай не дурной, понимаю, что не на простое дело вы идете, коли вот так все здесь обставлено. Вона, все наши уже сразу про это тоже смекнули, – кивнул он на замерший в напряженном молчании егерский строй.

– Живы будем – не помрем, да и двум смертям не бывать, а одной все равно не миновать! – усмехнулся Лешка. – Ну, давай, Сергей, командуй роте погрузку. Отчаливать пора, вон уже и Ветров мнется у самых сходней, волнуется, бедолага, – и, развернувшись, Алексей направился к своей посудине.

– Удачи вам! – Гусев перекрестил его и пошел к ожидающему его команды строю. – Внимание, рота! – строгим, начальственным голосом выкрикнул подпоручик. – Справа по одному на погрузку бего-ом марш!

Цепочка егерей устремила по мосткам-сходням на свою шхуну.

Глава 3

Дунайский рейд

На середине фарватера суда разделились. То, что было с основным составом роты, ушло в сторону валашского берега, а меньшее со сборным плутоном чуть отстало и, когда переднее судно растворилось в темноте, резко сменило курс и направилось вверх по течению.

– Алексей, знакомься, это хозяин судна, – Ветров представил Алексею крепкого, немолодого уже мужчину с обветренным и загорелым лицом. – Зоран Томич, один из самых опытных капитанов на всей этой реке. Сам он серб, а его дом и семья в Белграде. Команда тоже большей частью из дальней и ближней родни. Так ему, наверное, самому удобнее, ибо то, чем он занимается, мягко говоря, не очень приветствуется местными властями. Но нам в его дела совсем ни к чему соваться. Каждый здесь зарабатывает так, как он может. Правда ведь, друже? Нам главное, чтобы мы аккуратно и тихо сходили в Белград и потом вернулись обратно до Журжи. А русское командование за это будет очень благодарно, да к тому же еще и заплатит хорошие деньги.

– Я помогаю русским друзьям не только из-за денег, – усмехнулся Зоран. – Господин офицер про это ведь и сам знает. И можете быть спокойны, если вы сами будете соблюдать все необходимые предосторожности, то все у нас в этом плаванье будет хорошо.

– Да, все верно, – согласился Ветров. – Зоран, как и каждый истинный патриот Сербии, очень не любит турок. И он согласился помочь нам совсем не из-за платы. Кстати, очень хорошей платы, – и он посмотрел с улыбкой на капитана. – А вот по мерам предосторожности, тут он совершенно прав. С этого самого момента все твои люди, Алексей, кстати, и ты сам вместе со мной, в общем, все мы становимся частью команды Томича, а именно контрабандистами, перевозящими самые разные грузы по реке. Посему у всех нас теперь и должен быть соответствующий этому занятию облик. Так что переодевайтесь во все то, что вам сейчас выдадут, прячьте свои мундиры и оружие туда, куда вам покажут, и вливайтесь в дружное братство речных пиратов.

– Мы не есть пираты! – возмущенно вскинул руки капитан. – Как так можно обижать уважаемого человека и всю его команду! Мы есть мирные моряки, которые иногда возят запрещенное османами. И только!

– Ну-ну! – улыбнулся Илья. – Не нужно обижаться, Зоран. Это просто шутка. Показывай, что нам нужно теперь делать?

Капитан обернулся к корме и свистнул. К нему тут же подскочили два дюжих матроса.

– Тодор и Стефан, – представил он своих помощников. – Они покажут, куда можно спрятать оружие и мундиры, чтобы их не могли обнаружить при обычных портовых досмотрах. Вам же взамен выдадут рабочую одежду.

Через час все русские были переодеты в ветхую, с многочисленными заплатами одежду моряков. Она представляла собой свободную рубашку и широкие шаровары, пошитые из парусиновой ткани. На ногах у всех были старые, повидавшие виды, стоптанные боты.

Наутро егеря получили скребки, тряпки и ведра. Стефан, исполняющий на судне обязанности боцмана, самолично разбил два десятка из младшего состава роты по пятеркам и закрепил их за опытными матросами. Уже к вечеру первых суток борта и палубы шхуны были выдраены до блеска.

– И так будет каждый день плаванья, чтобы через три недели, как мы подойдем к Белграду, вас с первого взгляда от настоящих матросов нельзя было отличить, – пояснил капитан. – А то любой вшивый турок с дежурной галеры только лишь на вас взглянет и сразу же заподозрит сухопутного. Вы, вон, даже по палубе ходите, как!.. – и он выдал забористое морское ругательство.

Прошли Лом, Видин и устье речки Тимок. Где-то в десяти верстах от реки по левому борту была крепость Неготин и Слатина – все эти места были егерям уже хорошо знакомы. Здесь они уже проходили и не раз полили эту землю своей кровью. За Турно по правому борту перестали маячить русские казацки разьезды.

– Все, дальше только осман, а это самый большой их крепость, – кивнул на возвышающиеся бастионы Зоран. – Мы прошли больше половины пути. Здесь нужно будет пройти проверку, и если у нас все окажется в порядке, то мы сможем потом идти дальше. Никто из твоих солдат, Алексей, тем более из русских, не должен говорить ни одно слово. Прикидывайтесь дурачками, глухонемыми, только не путайтесь под ногами у досмотровой команды и молчите, – и капитан пошел к рулевому.

С вышедшей наперерез шхуны османской галеры резко закричали, и Зоран, помахав в ответ рукой, ответил на турецком.

Важный, тучный турок в чалме вот уже полчаса сидел около центральной мачты на широкой низкой скамье. Под ногами у него была подушка, а на низком столике перед ним стояли небольшой чайничек с пиалами и глиняная миска с шербетом.

Зоран, низко нагнувшись, с самым несчастным видом рассказывал, как их обирали эти злые русские под Измаилом, Браилом и Журжей.

– И не минуешь ведь их, уважаемый Мехмед-бей, всюду снуют суда их флотилии.

– Ты меня что, тут разжалобить решил?! – османский чиновник строго посмотрел на серба. – Все вы плуты, обманщики и воры! А то я не знаю, что ты из Варны сюда запрещенные товары возишь!

– Нет-нет, многоуважаемый Мехмед-бей, как вы можете такое подумать про сына бедного рыбака, – снова запричитал капитан. – Ведь я только перевозчик и всегда плачу в казну все положенные сборы. А для милостивого господина у меня есть отдельный подарок, – понизил он голос и, незаметно вынув из-за пазухи кожаный мешочек, положил его рядом с турком на скамейку. Тот кхекнул, накрыл его широкой поллой халата и протянул под него руку.

– У тебя что, в команде больные? Почему они все такие грязные и так усиленно скоблят эти палубы? – кивнул он на ближайших к себе Велько с Куртом. – У этого, видать, волосы когда-то были светлыми, а сейчас, вон, как грязная мокрая тряпка, слиплись. Эй вы там, давно не мылись?! Я к вам, скоты, обращаюсь! А ну отвечайте! – выкрикнул он грозно.

Лешка сам, стоя со скребком неподалеку, напрягся, зная своего друга немца, от него можно было ждать любого ответа на такое вот хамское к себе обращение.

– Merhametli efendi! Her gün banyo yaparız. Sadece bu gemi o kadar eski ki, çürümemesi için sürekli kazınması gerekiyor. Ve yine kirleniyoruz. Dilerseniz hemen tekrar kendimizi yıkayalım! (Милостивый повелитель! Мы моемся каждый день. Просто это судно настолько старое, что его постоянно приходится отскребать, чтобы оно не сгнило. И мы опять становимся грязными. Если вы только пожелаете, мы тут же перед вами опять себя помоем! – тур.), – Велько, низко кланяясь, смотрел круглыми, «телячьими» глазами на османского чиновника.

– Ха, Зоран! Этот твой грязный как свинья матрос только что назвал твою шхуну гнилым корытом, – захихикал турок. – Разберешься с ним потом сам, а я жду от тебя столько же, сколько ты только что дал. Иначе объявлю судно карантинным, и будешь тогда целый месяц стоять под пушками, пока этот срок не выйдет!

– Да-да, конечно, эфенди, – Зоран поклонился и положил на скамью еще один кошель с серебром.

– С этим жирным боровом всегда так, – провожая злым взглядом уходящую от судна по пристани процессию, серб покачал головой. – Он никогда не довольствуется только одним подарком. Жадный и подозрительный. Не зря я всегда делю эту взятку на две, а то и на три

части. Хорошо, что твой человек, Алексей, не сплеховал и сумел этого толстяка рассмешить. А то так бы и «тянули мы здесь кота за хвост».

Через неделю пути судно приблизилось к своей цели. Впереди виднелись длинные предместья Белграда. Главная пристань города была раскинута под большой крепостью, выложенной из белого камня в месте слияния Дуная с рекой Сава. После обязательного досмотра судна османскими таможенными властями, во многом повторявшего тот, что уже был ранее у крепости Турно, оно наконец-то встало у причала.

– Придется потерпеть, братцы, – объяснял егерским офицерам Ветров. – От пристани и от судна нам отлучаться далеко никак нельзя. Сейчас будет два дня на его разгрузку, и затем начнется подготовка к обратному плаванью, а я в это время выйду в городские предместья. Ждите меня здесь и постарайтесь ни словом, ни поступком не насторожить турок. У них всюду хватает осведомителей, поэтому держаться нужно настороже. Все разговоры только по-сербски или на турецком. Питаться и жить придется на судне. Тодор со Стефаном вас обеспечат хорошим и свежим провиантом.

– На берег ребятам все равно нужно будет выйти, господин капитан, – перебил его Лешка. – Три недели ведь егеря были на зыбкой палубе. Вон, ходят уже как крабы, раскорячась.

– Хорошо, выводите их ночью и под своим личным контролем, – согласился Ветров. – Только еще раз повторюсь: все должно быть тихо! Мы в самом сердце османских владений, а они столицу Сербии в железных тисках вот уже третий век держат. Никак нельзя нам такое важное задание провалить, и сами головы лишимся, и... Ну вы сами все прекрасно понимаете, господа офицеры, что может случиться, если вдруг до турецких властей дойдет, что в период заключения мирного договора с Россией в самом сердце их земель орудует целый отряд русской регулярной армии! Обратно мы пойдем тоже тайно и очень быстро. Поэтому все должны быть всегда под рукой.

– Может, мы тебе своих людей дадим, Илья? – спросил Ветрова Егоров. – У меня, вон, сербы боевитые, турецкие и местные обычаи они хорошо знают, да и прикроют, если что вдруг?

Тот немного подумал и кивнул головой:

– Хорошо, двоих, думаю, взять будет можно. Вон, братьев Вучичей, пожалуй, лучше всего и заберу. Находчивые оба и шустрые. Больше людей не возьму, иначе мы бросаться в глаза всей толпой будем. А трое – это в самый раз.

Шхуна была разгружена от основного груза: рулонов грубой шерстяной ткани, кожи и изразцовой плитки из Изника. Осторожно вынесли и контрабандные товары: пряности, восточные благовония и особую хлопковую ткань из Салоников, предназначенную исключительно для обмундирования янычар. Затем ее трюмы заполнили местным зерном, стеклом, бумагой и опять же спрятали там запрещенную контрабанду, в роли которой теперь выступали бочонки с вином и ткани европейского производства. Прошло пять дней, как ушел капитан Ветров, и егеря уже приспособились к новому ритму жизни. Целый день после выполнения судовых работ они проводили на палубе, а ночью в их распоряжении был берег. Турецкие караулы здесь проходили редко, сербы эти темные места тоже не жаловали, и никто у портовых причалов людям Егорова не мешал.

– Алексей! До семьи рукой подать, они тут совсем рядом, всего в каких-то двух-трех верстах в доме у дяди живут, – Живан с тоской смотрел на друга. – Я понимаю, что не имею права тебя просить об этом, и мне нельзя подвергать государственное дело такому большому риску. Но, может, разрешишь хотя бы увидеться и обнять близких? Как знать, увижу ли я их вообще когда-нибудь? Ведь судьба солдата такая непредсказуемая!

Лешка колебался недолго.

– Семья – это святое, Живан! Помнишь, мы с тобой когда-то еще на прошлом давнем выходе к Горной Топонице как раз вот об этом разговор вели и еще о землях, представляемых императрицей для переселенцев с Балкан? Повидайся с семьей, и пусть они будут готовы

бежать. Если ты не передумал, то мы забираем их с собой. Ну? Не передумал, господин поручик?!

Милорадович замер, буквально не веря своим ушам.

– Ты это серьезно, Алексей?! Да ведь Ветров ни за что не согласится на это! У него в голове лишь одно важное государственное дело!

– И что, какой-то беглый самозванец для меня важнее семьи моего друга? – усмехнулся Лешка. – А-а-а! Рисковать так рисковать! Все равно семи смертям не бывать, а одной не миновать, Живан! Значит, слушай меня внимательно – выходить мы отсюда, с пристани, все равно будем ночью, чтобы не светиться. У Зорана здесь, в своем родном городе, среди береговой и портовой службы турок есть хорошие, крепкие связи, и кому нужно, тому уже все там проплачено, а остальные получают чуть позже. Хотя и положено выходить в плавание после проверки и до темноты, но на нас глаза османы закроют. Вот в этот самый промежуток, после выпускной проверки и до ночи к нам-то и должны на судно завести самозванца, если он, конечно, еще будет. Твои близкие, соответственно, тоже должны будут подойти примерно в это же время. Так что давай, в твоём распоряжении есть ночь, повидайся с ними и все там подготовь.

– Спасибо, командир, – поблагодарил Алексея Милорадович. – Я очень тебе благодарен.

– Давай, двигай уже, – отмахнулся Егоров. – Полночи уже миновало, до рассвета едва ли часа четыре осталось. Не теряй времени, и чтобы засветло ты уже был здесь!

На следующий день счастливый Живан целый день мурлыкал какую-то песенку. У егерей был приварок из свежего мяса, а на обед из двух корзин достали овощей и фруктов, плюс две бутылки с густым красным вином.

– По чарке, господин капитан, домашнее? – серб умоляюще посмотрел на Алексея.

Тот оглядел замерших егерей, сидящих в артельных кружках у котлов с только что приготовленным варевом.

– А-а, давай, разливай всем по малой, – усмехнулся Егоров, – коли уж оно домашнее.

На следующую ночь командир опять отпустил поручика до дома.

– Все готовы?

– Да, только тут такое дело, Алексей Петрович. Мать с братом и сестрами живет в доме у дяди, вернее, этот дом его семья снимает вот уже два десятка лет. Сам он врач, и у него сейчас большие неприятности с властями. Кто-то донес, что он лечил бунтовщиков и передавал для них медикаменты. Обвинение против него еще пока не выдвинуто, как видно, османы с этим не торопятся, ведь он у них все время под рукой. А может быть, они хотят за ним проследить и выйти на тех, кому он помогал. Я в прошлую ночь, когда там осматривался, заметил возле его дома двух подозрительных типов. Разреши с собой и дядю с женой забрать? Турки ведь на расправу скорые, не посмотрят, что он врач, да и всем близким не поздоровится.

Лешка поморщился. Риск значительно усиливался: если действительно за домом родни Живана следили, то вырвать их из рук турок теперь будет гораздо сложнее. Но не отказывать же теперь боевому товарищу и другу в помощи!

– Ладно, мы свой общий план не меняем, – наконец принял он решение. – Пусть все готовятся к выходу. Только сам будь предельно осторожным и не спугни согладатаев. А уж когда придет время действовать, то там, на месте, все и решим. Осталось вот только теперь дожидаться Ветрова, слишком уж долго его что-то нет.

Прошло еще два дня тягостного ожидания, и наконец после полудня с борта шхуны Егоров разглядел две знакомые фигуры, подходящие к речному причалу.

– Господин капитан, – приглушенно докладывал Лазар, – капитан Ветров приказал вам передать, что у них все готово, и они ждут сумерек, чтобы доставить сюда свой груз. Капитану шхуны можно вызывать досмотровую команду и готовиться к выходу. А мы остаемся с вами, там и так достаточно людей, и вы, кстати, их тоже знаете.

«Ну все, вот и понеслось!» – подумал Лешка и кивнул Живану на ребят.

– Возьмешь их с собой. Парни они опытные, и лишними там не будут, а как только пройдет досмотр судна, подготовьте свое личное оружие, чтобы оно у всех было под рукой!

Поручик согласно кивнул головой.

– Так точно, господин капитан, ждем береговую охрану с таможей!

Пятеро турок из досмотровой команды быстро пробежали по судну. Заглянули в кормовые каюты и в трюм. Проверили сундуки, связки канатов, шлюпку и все то, что лежало сверху на палубе, по крику своего старшего быстро спустились по перекидному мостику и потом ушли с пристани.

– Халиль, уважаемый, это тебе за доброе отношение, и чтобы на свадьбе у твоего сына ни один из гостей не мог бы ничего плохого сказать о его щедром отце. Чтобы столы ломились от обилия яств, а молодые были счастливы! – и Зоран вложил тугой мешочек турку в руку.

Уже немолодой портовый чиновник, звякнув лежащим внутри серебром, прикинул его на руке и милостиво улыбнулся.

– Tamam, Zoran! İyi! Ve size mutlu yelkenler! (Хорошо, Зоран! Хорошо! И тебе удачного плавания! – тур.)

– Халиль-бей, прости, что задерживаю тебя от важных дел, мне нужно чуть-чуть задержаться, – склонившийся в поклоне капитан горестно вздохнул. – На судне только недавно обнаружили неполадки, и мне нужно еще два, от силы три часа для того, чтобы их устранить и отчалить. Мне никак нельзя ждать до утра. Разреши мне отплыть, как стемнеет? – и он, склонившись еще ниже, вынул из-за пазухи не меньший по объему кошелек.

Турок оглянулся по сторонам и протянул к нему руку.

– Ты не хуже меня знаешь правила, Зоран, но, учитывая мое особое к тебе отношение, так уж и быть, отойдете от причала, как стемнеет, но не позже полуночи! Смотри сам, выкручивайся, как хочешь, но ты должен успеть уложиться с этим ремонтом. В противном случае крепостные орудия разнесут вас в щепки!

– Я все понял, уважаемый Халиль-ага, я всегда буду восхвалять вашу мудрость и доброту! – капитан застыл в поклоне у сходней.

Над водой и огромным городом, раскинувшимся по берегам Дуная и Савы, сгущались вечерние сумерки. Вот-вот должны уже были появиться капитан Ветров и его люди с «грузом». Вся судовая команда и стрелки Егорова замерли в ожидании.

– Наши, наши! – послышался шепот, а из-за длинного сарая, шагах в ста на берегу, выскользнуло несколько теней.

– Егоров, принимай поклажу! – перед двумя здоровяками, несущими на своих плечах длинную ковровую скатку, стоял майор Баранов. – Вот и увиделись, капитан! Аккуратнее, аккуратнее заносите его, господи!

«Теперь вся честная компания в сборе!» – подумал Лешка. В двух «грузчиках» угадывались старые знакомцы, гвардейские поручики Брусницын и Резников, а сзади их прикрывал капитан Ветров. Все четверо протопали по сходням и перешли на палубу шхуны. Егеря перехватили у них поклажу и быстро опустили ее в трюм.

– Илья, проверь там его, чтобы он не задохнулся! – Сергей Николаевич кивнул Ветрову, и тот спустился по узкой лестнице в трюм.

– Господин майор, у нас два часа до отплытия, я сейчас буду! – Лешка решительно кивнул Живану, и не успел Баранов ничего ему ответить, как четыре тени выскользнули на причал.

– Куда! Егоров, куда?! – запоздало выкрикнул он ему вслед. В сгустившейся темноте никого на берегу уже не было видно.

– Капитан, у вас что, еще было какое-то задание, кроме того, чтобы нас отсюда вывести? – крикнул он выглянувшему из люка Ветрову.

– Никак нет, господин майор, – покачал тот головой. – Только вы. У Егорова и его людей приказ – обеспечить вашу безопасность и вашего груза.

– Ну Егоров, ну морда лисья! – выругался Баранов. – Воспользовался заминкой на борту, как уж в ночь выскользнул! Вот все время у него так! Если через два часа его не будет – то мы уходим без него!

А Лешка в это самое время несясь вслед за Живаном вместе с Лазаром и Велько по темным и узким улочкам старого Белграда.

«Быстрее, быстрее! У нас очень мало времени!» – тукало в его мозгу.

– Вот за этой площадью есть небольшой переулок, и мы сможем зайти в наш дом с черного хода, – прошептал Милорадович. – А соглядатаи стоят обычно вот здесь, у бакалейного магазина, – кивнул он на слабо освещенную масляным фонарем вывеску, где маячили какие-то фигуры. – Отсюда они просматривают всю площадь и выход с переулка на соседнюю улицу, поэтому нам нужно быть крайне осторожными.

– Ясно, – кивнул Лешка. – Тогда пошли тихонько, ты первым, а я за тобой. – Лазар, Велько, вы ждете нас снаружи и ведете наблюдение! – и две тени тихо перебежали просматриваемый от магазина участок.

– Кажется, не заметили, – прошептал Егоров, всматриваясь из-за угла переулка в сторону бакалеи. – Пока все тихо, пошли! Перебежав до темнеющей старым деревом боковой двери черного хода, Живан тихонько ударил в нее условным стуком. Она тут же еле слышно скрипнула и отворилась.

– Твой, уяче! Я сам, Живан, склонию пиштоль! (Свои, дядя! Это я, Живан, уберу пистоль! – серб.)

– Заходите быстрее! – высокий, подтянутый мужчина опустил оружие и дал пройти офицерам внутрь дома. – Там сегодня в ночь этих уже четверо встало. Настырные. Моя Антония утром на рынок ходила, так двое неотрывно за ней шли и все выглядывали, с кем она торгуется и что у кого покупает. Много продуктов, как вчера, ей не удалось купить, непременно бы нас заподозрили.

Вслед за рассказывающим мужчиной Живан с Алексеем прошли в большую, освещенную свечами комнату в самом центре дома.

– Мама, дядя, дорогие мои, познакомьтесь с моим другом и командиром, кому я лично обязан жизнью! – Милорадович протянул руки к Лешке. – Егоров Алексей Петрович, капитан русской императорской армии, георгиевский кавалер! Самый лучший офицер, которого я когда-либо видел! – проникновенным голосом представлял он молодого человека. А на него во все глаза смотрела вся родня Живана.

– Михайло Войнович, – представился встретивший их мужчина. – А это моя жена Антония, указал он на средних лет женщину, кутающуюся в дорожный плащ.

– Моя мама, Йована, – Живан кивнул на худенькую, с правильными благородными чертами лица немолодую уже даму.

– Старшая сестра Катарина.

На Лешку насмешливо и с интересом смотрела во все глаза симпатичная юная девушка. От взгляда этих карих глаз на прелестном розовом личике Лешке стало даже как-то не по себе.

– Сестренка Милица, – продолжил знакомить с семьей Живан.

«Такая же симпатичная, как и старшая, только немного по-детски угловатая, и волосы у нее чуть покороче», – подумал Алексей.

Действительно, у старшей сестры они были собраны в тугую косу, спадавшую до пояса и перехваченную внизу большим алым бантом.

– Братишка Радован. Тот еще шkodник! – улыбнулся старший брат, глядя, как мальчуган, видно подражавший военным, притопнул ножкой и приложил руку к надетой на голову шляпе.

– Егоров Алексей, – капитан широко, по-простому улыбнулся и поклонился всем разом. – А тебе вольно, солдат! – кивнул он Радовану. – Будешь у меня и у брата за вестового!

– Да, господине! Я служим Србији и Русији! – воскликнул в восторге паренек.

– Тише, тише! – зашикали на него со всех сторон. – Турки совсем рядом, а ты так кричишь!

И он виновато пожал плечами.

– Дорогие мои, рядом действительно стоят турки, и нам нужно выбраться из дома незаметно! – инструктировал свою родню Милорадович. – Нам нужно выйти через черный ход, потом как можно тише пересечь открытый участок от переулка через край площади и далее пройти на соседнюю улицу, а потом уже добежать до ожидающей нас в порту шхуны. Все это нужно делать очень быстро! Если мы не успеем, то она отойдет от причала без нас. С собой берем только лишь самое ценное и нетяжелое, чтобы ни в коем случае не замедляться. Там, в самом начале улицы, нас ждут двое наших солдат, не пугайтесь их и не шумите. Они нам помогут. Ну все, присядем на дорожку, и в добрый путь!

– Тише, тише, – шептал Живан, идя впереди цепочки из восьми фигур, – Только не шумите!

Как ни старалась его родня, однако звук от их шагов, казалось, разносился по всем окрестностям.

«У страха глаза велики, это сейчас так хорошо их слышно в узком переулке между стен, а на площади должно быть уже гораздо тише», – думал Лешка, идя самым последним. В его левой руке был длинный кавказский кинжал, а правая сжимала швырковый нож. Вот и брусчатка площади, и теперь шаги раздавались действительно гораздо тише.

Еще немного, и их небольшой отряд проскользнет на улицу, а по ней уйдет в сторону порта.

Из темноты улицы вынырнули две тени, и Милица, идущая вслед за Живаном, испугавшись, вдруг громко вскрикнула.

– Да е мое! – выдохнул Лешка. – Ну вот и все – не получилось «по-тихому»! От бакалейной лавки раздался вопросительный окрик на турецком, и там сверкнули искры от огня, выбиваемые на тротуар.

– Живан, Велько, ведите людей к пристани! Лазар, со мной! – приглушенно скомандовал Егоров.

– Командир, я тоже останусь! – Живан с обнаженным кинжалом встал рядом с пластуном.

– Я что, не ясно сказал вам, поручик! – рявкнул Алексей. – Ведите гражданских в порт, быстро! Это приказ! Не теряйте времени!

– Есть, господин капитан! Слушаюсь! – серб забрал сумку у матери и увлек всех за собой.

– Эй, Яшар, Бекир, кто там у вас, вы кого-нибудь видите? – возле магазина, наконец, вспыхнул смолянистый факел, и в его свете Алексей разглядел две движущиеся в его сторону тени. Еще две фигуры были хорошо освещены позади них.

«Если мы их сейчас быстро и здесь вот не уговорим, то они поднимут тревогу, и обязательно найдется какой-нибудь воинский караул османов, который поставит на уши весь городской гарнизон, – думал Егоров. – И тогда о выходе шхуны из порта не может быть и речи. Разнесут крепостными пушками за пять минут, а ей ведь много не надо».

– Лазар, вперед! Режем втихую! – скомандовал капитан и кинулся вместе с пластуном к подбегающим туркам.

«Хек! Хек!» – два ножа вылетели и попали в свои жертвы за десять шагов от егерей. Тот, что был перед Лешкой, завалился навзничь без шума, а вот тот, что был слева, огласил воздух тонким визгом. Не останавливаясь и перепрыгнув через неподвижное тело, Егоров проскочил вперед, отмечая краем глаза движение сбоку. Визг слева резко оборвался, а перед ним уже был новый противник. Факел чуть было не опалил Лешке голову и пролетел вниз мимо плеча. Захват своей левой за руку противника чуть ниже его локтя. «Ших!» – удар кинжалом навстречу. Преимущество кавказских клинков – в их длинном, обоюдно заточенном лезвии. Рывок рукой с обратным хватом вперед, и остро заточенная сталь вскрыла горло противника.

Отбрасывая труп в сторону, Алексей не успел полностью отклониться от нового набегающего врага. Сверкнула сталь, и его правое плечо резанула боль. Уходя от нового замаха, он отскочил немного назад и встретил удар сверху своими перекрещенными руками.

– А это называется захват, гаденыш! – выдохнул он прямо в лицо турку.

Рука того находилась в надежном блоке, и вниз к телу русского ей со своим клинком было уже ни за что не пройти. Мгновенный удар ногой в пах, затем выворот руки противника. Звон о мостовую выпавшего турецкого кинжала совпал с резким вскриком его хозяина. Лешка вырвал свою каму из-под лопатки турка и отпрыгнул в сторону, озираясь. Все, больше врагов рядом не было. В двух шагах от него стоял наготове, страхуя своего офицера, Лазар. На земле лежали четыре тела и факел, который чуть подсвечивал недавнее место схватки. Алексей дотронулся до пореза на плече и зашипел.

– Ваший благородий, вы ранен! – приглушенно вскрикнул пластун, подскакивая к командиру. – Вас нужно перевязать!

– Некогда, Лазар! – отрицательно мотнул головой капитан. – Нам нужно срочно убираться с этого места, мы с тобой и так здесь здорово на шумели. Хорошо, что хоть не пальнул этот, а только кинжалом меня колот, – и он подобрал лежащий возле неподвижного тела турка пистоль. – Странно, почему он не стрелял?! Все, Лазар, бежим! – и они устремились по улице в сторону порта.

– ... А господарь капитан, пока я своего добивал, этот осман, который был с факел, срезал, а потом как леопард отпрыгнуть, и последний турок сначала голый рука схватить и оружием у него выбить, а потом его кинжалом заколоть! – рассказывал Лазар окружившим его егерям.

– Сейчас, сейчас, совсем скоро уже не будет больно. Потерпите, молодой человек, – дядя Живана затягивал нитку на последнем шве раны Алексея. – Ну вот уже и все, – словно маленькому, приговаривал он. – А вы молодец, хорошо боль переносите, ни разу не вскрикнули. Врач промыл и убрал свои инструменты в небольшой чемоданчик.

– Конечно, когда на него столько дам во все глаза смотрят! Герой, блин! Кавалер! – ворчливым тоном скрипел стоявший рядом Баранов. – Ну вот никак ты не можешь без этой вот своей самостоятельности, Алексей! Ну вот никак!

– Да все же хорошо, ваше высокоблагородие, – Лешка, морщась, натянул на себя матросскую робу. – Из порта мы вышли вовремя. Вон уже и предместья Белграда скрылись. А то, что под утро эти трупы на площади обнаружат, ну так пусть попробуют их теперь к нам привязать. Да портовые турки самыми первыми скажут, что наша шхуна, как ей и положено, еще засветло ушла. Теперь только ходу по течению и не светиться у больших крепостей.

– Умный ты больно! Вот все время у тебя какие-нибудь отговорки найдутся, – буркнул Баранов и обернулся к Ветрову. – Капитан, вытащите этого из трюма. Не дай Бог он там, в этом своем ковре, задохнется. Пускай лучше на палубе пока свежим воздухом дышит.

Два поручика вместе с Ветровым спустились под палубу и вытащили грязного, включенного, обросшего мужика наверх.

– Будешь хорошо себя вести, Федотка, дышать свежим воздухом станешь. А коли опять попытаешься сбежать, так плетей получишь и всю дорогу в этом вонючем трюме проведешь! Понял меня или нет, зараза?! – майор угрожающе навис над пленным. Тот сжался и испуганно закивал головой.

– Ну, вот и ладно. И знай, что твои турки тебе уже более не защитники. Даже если они тебя отбивать станут, все одно обратно живым уже точно теперь не получат! Резников, Брусицын, – Баранов подозвал к себе гвардейцев. – Один из вас чтобы все время находился рядом с этим. Руки-ноги у него должны быть постоянно связанными, но стяжку на них вы почаще проверяйте, чтобы они не загнили там от пережима. Нам его к себе живым и в полном здравии доставить нужно. К нему много вопросов есть для долгого и вдумчивого разговора в столице.

Лешке даже стало как-то жалко этого несчастного, смотрящего на всех таким испуганным и затравленным взглядом.

– Из некрасовских он, – майор словно почувствовал настроение Алексея. – Знаешь, небось, про них? Слышал? Мятежные казаки с Дона еще в 1708-м, после разгона Булавицкого восстания к османам переметнулись. Сначала те им Кубань и Крымские степи для проживания отвели. Вот оттуда они три последующих десятка лет очень активно набегали на наши южные приграничные земли. Потом, как только их атаман Некрасов Игнатка преставился, на Дунай ушли. Здесь им турки много земли для проживания выделили. А условие, как всегда, было одно – это с острой сабелькой супротив своих же единокровцев служить и кровушку их христианскую за султана проливать. По вере-то они все больше из старообрядцев сами. А мы, по их представлению выходит, что вовсе даже и неправильно в Христа веруем. Вот, значит, потому и можно им с нами воевать на стороне басурман. Живут они строго по заветам Игната – это у них как бы такой общий свод законов от их основателя, атамана Некрасова Игната. И очень строгие они там, я тебе скажу, эти самые законы. А самый главный из них – это «Царю не поклоняться, при царе в Расею не возвращаться».

– Что, Федотка, ну как так-то? Супротив Российской власти воевал, ее люто ненавидишь, а сам же, вон, личину Царя-Императора на себя же и надел? Ну, отвечай, чего молчишь-то?

Пленный, привязанный к центральной мачте, ничего не ответил и только лишь молча опустил голову.

– Ты не смотри, что он такой смирный, – кивнул на него Баранов. – Пока его из Стамбула в Белград перевозили, три раза в дороге пытался бежать. Богдана ножом ранил. Пришлось его там оставлять. Да и ребятам тоже хорошо досталось, – кивнул он на дюжих гвардейцев. – Это сейчас он посмурнел, после трехнедельного плена, а так – зубами, говорит, вас рвать, царских слуг, буду!

Обратно вниз по течению шхуна шла гораздо быстрее. В связи с прекращением военных действий между Османской и Российской империями движение судов по реке увеличилось, и теперь капитану приходилось менять курс гораздо чаще, чтобы расходиться с встречными бортами подальше. Впереди было еще два участка, которые вызывали особое опасение, и самым первым были Железные ворота с их Голубацкой крепостью, там, где Дунай, стиснутый Карпатами и горами Старо-Планины, был наиболее узким.

Все шло по установленному судовому распорядку. Дежурная вахта из матросов работала с парусами и такелажем, а переодетые егеря вели постоянную приборку на палубе и наблюдали за рекой. Теперь оружие у каждого лежало в больших рундуках, в шаговой доступности.

Семейство Милорадовича было предоставлено само себе, а около Егорова, разглядывающего трофейный турецкий пистоль, сидело трое пластунов и Радован.

– Вот потому-то, ребятки, он и не стрельнул, – объяснял слушателям Лешка. – Запустил хозяин свое оружие, затравочное отверстие в замке он не вычистил от нагара. Курок-то турок спустил, а тот в холостую щелкнул. Вот за это небрежение он и поплатился. Пришлось ему с клинком в рукопашную идти. А так бы бахнул, и даже если промахнулся, то все равно бы тревогу поднял. Вот потому мы и проверяем свое оружие по три раза на дню, а вы его чистите и смазываете по несколько раз. Так что не ворчите, вот вам чужой опыт в небреженье, – и он, направив ствол за борт, опять пару раз щелкнул курком. – Держи, Лазар, разрядите его, разберите по мелким деталям, все вычистите, соберите, он вам еще верой и правдой служить будет. Так-то доброе оружие, ствол хороший, замок на нем надежный, видно, что это австрийское изделие. Значит, и хозяин его не из простых соглядатаев был.

– Господине офицере, зашто имате тако поцепане униформе? – младшая из стоящих рядом сестер Живана Милица с улыбкой кивнула на старые штопанные матросские робы. – Или у руској војсци тако сви ходају?

Алексею стало даже как-то неловко. Он почему-то покраснел и замешкался с ответом.

– А ну брысь отсюда, стрекоза! – подошедший сзади брат громко шикнул, и девчонки со смехом убежали к кормовой каюте. – Будете мешать солдатам и матросам, точно такие же робы наденете! Лучше, вон, помогите нашему коку готовить обед, и сколько раз вам уже можно повторять – говорить на людях только на русском! Мы в Россию плывем!

– Да, брате! Слушайте, господине офицере! – девчонки показали ему язык и нырнули за дверь каюты.

– Ох и стрекозы! – покачал тот головой. – Ничего, совсем скоро подрастут, и можно будет уже замуж выдавать. У нас с шестнадцати самый возраст для замужества. Боюсь, только бесприданницами они будут у меня.

– Не бойся, господин офицер, – улыбнулся Алексей. – Капитан-поручика получишь по итогам войны, да и премиальные хорошие будут. Только бы нам вернуться. Сам слышал – впереди два опасных участка, как бы нам там прорываться не пришлось!

К Железным воротам подошли в темную, пасмурную ночь. Небо было затянуто тучами, накрапывал мелкий дождик, и шхуна, спустив паруса, прошла десять верст по быстрому течению речной теснины всего лишь за один час. Зоран сам лично встал к штурвалу и словно бы на ощупь вел свое судно. Вот показались и утесы Голубацкой крепости, охраняющей самый узкий проход. На старинных бастиях тускло горело несколько светильников, но людей нигде вокруг видно не было. Никто не окликнул проходящее всего в какой-то сотне саженой судно.

– Слава Светом Николају! – Зоран передал штурвал рулевому и размашисто перекрестился. – Повезло нам сегодня, господин офицер. Очень сильно повезло! Но больше я ни за что тут ночью не пойду! Два раза нас чуть было на камни не бросило. О-хо-хо-о! – и он вытер с лица то ли пот, то ли мелкие капли дождя.

– Через два дня будет Видинская крепость, а за Арчаром нас уже встретят и прикроют наши суда, – Ветров успокаивающе похлопал капитана по плечу. – Ты молодец, Зоран, на Дунае нет капитана лучше. Совсем немного нам осталось. Может быть, так же попробуем ночью потихоньку проскочить мимо следующей крепости, вот как и здесь?

Подгадали так, чтобы проход мимо Видино был затемно. Но теперь погода была ясной, луна на небе светила ярко, и так же незаметно, как и под Железными воротами, пройти уже здесь не получилось. На середине реки их встретил двадцативесельный кончебас, с которого раздался грозный окрик на турецком.

Зоран выругался и посмотрел на стоявшего рядом с ним Ветрова.

– Скорости не снижай, отвечай им спокойно и правь как ни в чем не бывало дальше, – Илья окинул взглядом всю реку. Больше поблизости никаких судов не было. Как видно, это гребное одномачтовое судно турок было здесь дежурным. – Ну, Егоров, готовься, теперь дело за тобой и за твоими стрелками!

– Егеря, к бою! – выкрикнул тот команду, и сухо защелкали взводимые курки на фузеях и штурцах.

А с идущего наперерез кончебаса все продолжали угрожающе кричать. Шхуна уже была от него на расстоянии уверенного выстрела из ружья, но Алексей все медлил с командой. Наконец он определился.

– Василий, готовь тромбон. Внимание всем! Первым работает Афанасьев с носа. Сразу же после него Кудряш, Борис, Воробей и Быков кидают с бортов гранаты, авось какая и залетит к туркам. Потом все быют из ружей на выбор и по своему личному прицелу. Всем быть наготове! Живан, убери девчонок с палубы! – резко выкрикнул он, увидев, что любопытные сестры выскочили на шум из каюты. – Положи всех своих на пол, и чтобы они даже не думали от себя выходить!

«Бам! Бам!» – хлопнули первые выстрелы с канчебаса, и пули свистнули над бортом. «Бам! Бам!» – еще две выбили из него щепки. Шхуна, не меняя курса, продолжала стремительно сближаться с турками. Чтобы не быть ею протараненными, саженьях в десяти-пятнадцати они, крича ругательства, резко приняли вправо и подставили свой борт.

– Давай, Василий! Егоров взмахнул рукой, и вскочивший на ноги Афанасьев разрядил свой тромбон в близкую цель. Кончебас по своей осадке был гораздо ниже шхуны, и рой картечи ударил сверху вниз в самый его центр. Тут же с палубы вылетели четыре гренады, и как минимум две из них упали на палубу турок. С борта шхуны, перекрывая истошные вопли раненых, ударил ружейный залп, и судно проскочило вниз по реке. Вслед ему не раздалось больше ни единого выстрела.

– Ну теперь нам только ходу! – пробормотал Ветров. – Чуть больше двадцати верст пути осталось, а там уж и наши помогут, отгонят погоню, если, конечно, таковая будет.

В погоню от Видино бросились сразу три галеры, и через три часа из туманной рассветной серости выступили их очертания.

– Расстояние – три кабельтовых, – доложил Тодор. – У них на носу, на баке по пушке стоит. Если они начнут стрелять, то рано или поздно нам все мачты посбивают, и тогда все, зажмут и потом возьмут на abordаж!

– Знаю, – кивнул капитан. – Мы им живыми нужны. Значит, будут нам такелаж калечить. Натягивайте сверху сеть, чтобы обломками людей не побило!

«Бам!» – словно в ответ ему ударила пушка с идущей самой первой галеры. Небольшое ядро плюхнулось в воду далеко от борта шхуны.

– С галеры стрелять очень трудно, – пробормотал Баранов. – Ствол ее пушки почти не управляем, смотрит он только вперед, а нос судна все время рыскает. Но с третьего или пятого раза они в нас точно попадут. Давай, Алексей, заставь-ка ты их там поволноваться. Пусть мажут.

А Лешка, стоя на кормовой надстройке со своими лучшими стрелками, уже рассчитывал тактику и схему ведения огневого боя.

– Вы трое здесь, сверху, бьете, – кивнул он Курту. – У вас «весло» и итальянские штуцера самые дальнобойные. И здесь вам никто мешать не будет. Там, на корме, еще пятерых штуцерников посадим. Толку от них на дальнем расстоянии мало, но поугатать турок они могут. Пара человек пошустрее на задней мачте на реях привяжутся. Главное, не дать им по нам пристреляться. Шхуне часа два осталось до наших кораблей ходу.

«Бам!» – хлопнул опять пушечный выстрел, и ядро ударило в саженьях пяти от борта.

Хлестко щелкнул первый, за ним второй и потом третий выстрел из самых дальнобойных штуцеров. За ним вслед ударили и те пять стрелков-штуцерников, что расположились на корме.

Алексей посмотрел в трубу. В приближении было хорошо видно, что на остроносой галере царил суеда. Из высунутого жерла орудия сверкнуло пламя, и еще одно ядро пролетело в опасной близости от шхуны. Весла с бортов ритмично опускались в воду, толкая корабль вперед, и было видно, что расстояние до противников постепенно сокращается. Практически одновременно ударили два штуцерных выстрела, и один из артиллеристов, резко взмахнув руками, упал прямо на ствол пушки.

– Есть один! – выкрикнул Алексей. – Кто стрелял?!

– Велько из «итальянки» и с мачты Воробей вместе били, ваше благородие, – откликнулся Живан.

– Молодцы, стрелки! – похвалил Егоров. – Точнее целься!

Минут пять не было слышно орудийных выстрелов, затем пушка с передней галеры опять бумкнула, и ее ядро сбило одну из рей. Вниз полетели щепы, куски дерева и обрывки канатов.

– Ваньку Соловья ранили! – послышался крик с палубы.

Из каюты, несмотря на предостерегающий возглас Баранова, выскочил дядя Живана и, подскочив к лежащему на палубе егерю, потащил его к себе в каюту.

Матросы быстро скинули обломки такелажа за борт, а трое вскарабкались на мачту и подвязали сбитый ядром парус.

Хлопнули еще несколько выстрелов из штуцеров, и Лешке показалось, что еще одного канонира откинуло пулей от пушки.

– Расходятся по бокам, худо! – пробормотал Зоран и крутанул штурвал, меняя курс. – Сзади будут бить из пушки, а эти навалом с боков пойдут. Эх, мне бы хоть одно орудие, я бы им сейчас показал! Ну что ты ружьями против галеры сделаешь?! Там борта с кулак толщиной, никакой пулей их не пробить! Здесь ядро или даже бомба для хорошего удара нужна!

– Пушек нет, бомб нет, пулей не взять, – бормотал про себя Алексей, оглядывая приближающуюся сзади галеру. Артиллеристы на ней стали осторожнее и уже не мелькали так открыто, как раньше. Взгляд Егорова скользнул по палубе и остановился на небольшой шлюпке. – Пушки у нас нет, но есть брандер, пусть он совсем маленький и не факт, что работает как надо, но попытаться доставить неприятности туркам можно. – Курт! – окликнул главного оружейника капитан. – У тебя фугасы и порох остались?

– Только один большой фугас у Кудряш, – тот удивленно посмотрел на командира. – Мы все их использовать на оборона Ришский крепость. Есть еще пороховой мякоть около пуда в мешочках. А куда это все здесь ставить? – и он недоуменно посмотрел на реку.

– В самую точку! – усмехнулся Лешка. – Поставим, даже не сомневайся, с вас, главное, точный выстрел! – и направился к капитану.

Минут через десять дружной работы всей команды за борт, практически не снижая скорости, была спущена шлюпка. Два первых помощника капитана, балансируя на ней, все же смогли выровнять лодку, и она запрыгала на канатном буксире за шхуной. Наконец его обрубили, и Тодор со Стефаном, обвязанные линиями, прыгнули в воду.

– Тащи их! – выкрикнул Зоран, и уже через минуту мокрых и кашляющих храбрецов подняли на палубу. А все стрелки-егеря в это время усиленно выцеливали идущую вслед за шхуной шлюпку. Она отстала сажень на сто, и к ней уже приближалась галера.

– Не спешить! Точнее целься, – напомнил стрелкам Егоров. – Всем бить только по моей команде! Ну же, ближе, еще ближе! Галера была уже совсем рядом с лодкой. По всему выходило, что пройти она должна была буквально впритирку с ней. Вот она догнала ее, пропуская буквально в двух саженях от борта, а с него, свесившись, разглядывали, что там внутри, сразу несколько любопытных.

– Ого-онь! – скомандовал Алексей.

Сразу полтора десятка штуцеров ударили залпом. Чья-то пуля, как видно, разбила одну из трех закрепленных масляных ламп или фонарь на шлюпке, и горящая жидкость воспламенила уложенный внутри пороховой заряд. «Баба-ах!» – громовой взрыв аж откинул судно, ломая на нем мачту, ряд весел и переворачивая все на палубе. А сверху на паруса и на доски галеры сыпалась горящая, пропитанная маслом и жиром ветошь.

– Ура-а! – раздался громовой крик на судне. – Горит, глядите, братцы, горит, зараза!

– Молодец, Егоров! Уважа-аю! – покачал головой Баранов. – Так уж и быть, сможем вырваться, никто не узнает про эту твою самостоятельность в Белграде. Обещаю!

Две идущие сбоку галеры отстали и, развернувшись, подошли к терпящей бедствие.

– Ну, какое-то время мы у них выиграли, теперь бы только ходу! А капитан свое дело знает, – произнес Баранов, поглядев на слаженную работу команды Зорана. – До Арчара совсем немного осталось. Там в островах и стоят наши суда. Еще, пожалуй, час, и даже чуть меньше. Может, и эти прекратят погоню?

Но, как видно получив команду, две целые галеры резко развернулись и пошли вслед за шхуной.

– Догонят! – пробормотал Зоран. – У них ход на веслах значительно быстрее. Сейчас они там гребцам плетей дадут и уже через полчаса на abordаж пойдут!

Обе галеры выбрали тактику предыдущей. Идя параллельно рядом с друг дружкой, они еще издали начали бить из своих единственных, установленных на носу орудий.

– Стрелки, к бою! – скомандовал Алексей. – Выбивайте артиллеристов, на матросов не отвлекайтесь! Жалко, до рулевых нам не достать, хорошо они прикрыты.

Выпущенное издали ядро упало возле кормы, окатив его брызгами. Второе, от соседки, выбило фонтанчик далеко вправо.

– Пока не точно, но скоро они подойдут на уверенный выстрел, – покачал головой Ветров. – Не давайте им целиться, егеря!

– Не давай целиться, – пробурчал Гришка, проталкивая пулю в ствол. – Да куды там целиться-то, чай, уж наученная турка! Башку даже, вон, не больно жает. Попробуй ему в орудийный порт попади, када тут все вон как на этой волне прыгает, – и он, вздохнув, пристроил длинный ствол итальянки на канатную скатку. «Бам!» – приклад толкнул его в плечо. – Кажись, попал! – он, прищурившись, пригляделся и, откинув полку замка, сыпанул туда порох из надкусанного патрона.

– Капитан, два кабельтовых до галер! – прокричал Стефан.

Бахнул пушечный выстрел, и ядро ударило его, буквально разрывая тело. Второй выстрел сбил еще одну рею, и вниз полетели обломки такелажа.

– Раненые на палубе! – раздался крики на судне.

– Тодор! Петар! Костич! Симич! Быстро на мачту! – рявкнул капитан. – Некогда стенать! Крепить паруса!

– Пристрелялись, гады! – процедил сквозь зубы Баранов. – Еще три таких залпа, и мы вовсе без парусов останемся, бери нас потом с боков в клещи. Эх, еще бы одну шлюпку, как давеча, как же хорошо с ней в прошлый раз вышло. Хоть придержать этих да прицел ею сбить, чтобы они по сторонам рыскали!

– Бочки есть? – Алексей вопросительно поглядел на Зорана. – Любые, чем больше, тем лучше, только пустые! Кидайте их с кормы, турки уже пуганые, пускай с кильватерного следа за нами сходят! Откуда они знают, что там в них пороховой начинки не будет?

– Есть бочки! – капитан шхуны мгновенно понял мысль русского офицера, и вскоре одну за другой сербы выкинули за борт пять пустых деревянных бочонков.

– Галеры расходятся в стороны! – выкрикнул чинящий на мачте парусную оснастку Тодор.

И правда, обе галеры, не желая рисковать и не зная, что там еще им приготовили, резко сменили свой курс, приняв в стороны от плывущих за шхуной бочонков, а по ним самим все били и били штучера.

– Арчар по правому борту! – прокричал стоящий на носу матрос. – Вижу вдаль острова! – и через некоторое время раздался опять его крик: – Вижу внизу по течению паруса. Три судна выходят из-за островов нам навстречу!

– Наши! – прошептал Алексей, глядя в окуляр своей подзорной трубы.

Два галеота и большая военная шхуна под Андреевскими флагами, выйдя наперерез погоне, продемонстрировали турецким галерам открытые пушечные порты и торчащие из них жерла орудий. Этого хватило для того, чтобы те резко развернулись и, вспенивая речную воду веслами, устремились прочь вверх по течению.

– Отбились! – Баранов снял с головы грязную шляпу. – Облачайтесь в мундиры, егеря. Хватит вам уже в этой рванине ходить. Слово не воинское подразделение, а какая-то шайка пиратов!

Через три часа одетые в свои мундиры егеря поднимались по сходням на борт большой военной шхуны. Вслед за ними зашли беженцы из Белграда и занесли троих раненых. У

Ивана от падения обломков такелажа было глубокое рассечение на голове, у одного матроса из команды Зорана был перелом ключицы, второму огромная, с ладонь руки, заноза от разбитой ядром реи словно стрелой пробила голень ноги насквозь.

– Мишель, ты, как всегда, неподражаем! – Егоров со смехом обнялся с Кунгурцевым. – Являешься в самый разгар представления, как полицмейстер, и всех зрителей с участниками разгоняешь к чертям собачьим! Хоть бы бахнул для порядка и ускорения, чтобы им веселее драпалось!

– Так, господин капитан, ты это, тут не очень-то фамильярничай! – Кунгурцев с придворной строгостью посмотрел на приятеля. – Как-никак, а с их высокоблагородием сейчас разговариваешь! Да-да, Алексей Петрович, вот только на днях, перед самым нашим выходом сюда, на Дунай, чин капитана третьего ранга пришел. Флотское начальство в столицах быстрее вашего сухопутного расстаралось. Сентябрь месяц на носу, Лешка. Все наши войска из Румелии вышли, а из Санкт-Петербурга по случаю виктории «золотой дождь» начинает сыпаться. Хотя, может, это я зря с тобой так, – сделал он испуганное выражение лица. – Может, и ты уже в майорах давно, да вот только сам пока того еще не знаешь?

– Поздравляю, Миш! Искренне рад за тебя, господин капитан третьего ранга! – улыбнулся Лешка. – Достоин, чего уж там! – и крепко обнял друга.

– Спасибо, спасибо, – было видно, как приятно Кунгурцеву эта похвала егеря. – А по поводу бахнуть, это, извини, пока никак. Мир у нас нонче с османами. Не отпишешься потом от штабных за такую вот вольность. Наше дело было – контрабандистскую шхуну прикрыть, но в бой с турками не вступать. Вот если бы они первыми ударили, тогда бы оно, конечно, – и он плотоядно облизнулся. – А это кто такие у вас симпатичные?

Мимо беседующих офицеров к предоставленной им каюте прошло семейство Милорадовичей. Две девицы захихикали и проскочили вслед за своей матерью.

– Миша, это же еще дети, ну чего ты как кот мартовский на них глядишь? – покачал укоризненно головой Лешка. – Родные сестры Живана, мы их из Белграда вместе со всей родней вывезли. Там у них с турками своя заваруха начиналась, никак нельзя было их нам оставлять.

– Поня-ятно, – протянул Кунгурцев. – А та вон старшенькая очень даже ничего! Такая фигуристая и личиком миленькая. Я бы через годок-другой к ней посватался!

– Иди уже своими командуй, жених! Сейчас отходить будем! – Егоров почувствовал какой-то неожиданный и странный укол ревности и даже сам ему удивился. С чего бы это вдруг?

Длинные сходни подняли на борт. Швартовая команда оттолкнулась шестами, и шхуна медленно отошла от берега. За военными судами пристроилось и судно Зорана. А на берегу осталась только лишь примятая трава да могила с крестом и плоским камнем, где была нацарапанная коротенькая надпись: «Стефан Илич, 17.03.1746 – 02.09.1774».

Двенадцатого сентября от крепости Журжа на двух крытых каретах в сопровождении целого гусарского эскадрона по Бухарестскому тракту выехали офицеры из ведомства Баранова, сопровождающие самозванца. Им предстоял долгий путь. Нужно было выйти через Фокшаны и Кишинев на Киев, а уже дальше двигаться длинной дорогой на Санкт-Петербург. Там новоявленного Петра III ждало долгое и вдумчивое общение с очень и очень неприятными людьми.

Егерская же команда пылила по старинному тракту к месту своего давнего постоя, на озерную окраину столицы Валахии. А за егерями катили две интендантские повозки, в одной из которых лежал с перевязанной головой Ваня Соловей и сидел присматривающий за ним доктор Михайло. На другой, свесив ноги, оживленно болтала о чем-то своем женская половина семейства Милорадовичей. И какой уже раз, обернувшись, Лешка ловил на себе искристый, веселый взгляд Катарины.

«Да ну нет, что за глупости!» – буркнул он про себя и потрепал по голове идущего рядом Радована. – Ноги устанут, вестовой, а ну бегом к дядьке Михайло в повозку! Будешь ему там помогать, за нашим раненым приглядывать!

Глава 4

В Бухаресте

– Ваше благородие, за время вашего отсутствия в роте без происшествий! – доложил на общем построении подпоручик Гусев. – Всего в строю восемьдесят один человек. В гарнизонном госпитале и в нашем расположении под присмотром лекарей – девять. В карауле и на хозяйственных работах – пять. Незаконно отсутствующих нет.

«Постепенно восстанавливается рота, – думал Алексей, обходя строй. – Скоро излечатся и встанут в шеренги все наши раненые, постепенно закроем некомплект в пятьдесят девять душ переводами из полков. Обучим новичков особой тактике егерского боя, и через полгода, а может даже и раньше, будет снова наша отдельная особая рота грозной боевой единицей».

Не ясно было только сейчас, куда ее определят. По всем расчетам штабов, Первая дунайская армия должна была выйти к Днепру еще до начала весенней распутицы. А некоторые подразделения уже и сейчас отправлялись на север в Киевскую губернию Российской империи. Какая-то часть подразделений из нее должна была переместиться за Буг к Днепру, туда, где, как ходили слухи, совсем скоро должна была образовываться Новороссийская губерния, прикрытая пока что ее регулярными войсками очень и очень слабо. А ведь прикрывать ее было от кого. По реке Буг сейчас проходила очень беспокойная граница с турками, где находилась их сильнейшая крепость Очаков при ее многочисленном и боеспособном гарнизоне. С востока, со стороны Кубани и приазовских степей, сохранялась угроза от ногайской орды. А с юга от нее находился Крым, пока что формально независимый и с многочисленным своим войском. Власть в Крыму на данный момент была в руках у пророссийской партии во главе с ханом Сахиб Гереем. Но эта власть была очень непрочной, учитывая вывод основных подразделений русской армии с полуострова. И куда, против кого повернет татарское войско завтра, было сейчас не ясно.

«Не зря же барон упоминал про то, что на нашу роту есть особые виды, и никто ее расформировывать не собирается, – сделал вывод своим умозаключениям Алексей. – Значит, надо ее готовить к предстоящим делам, чтобы боеспособность была не слабее, чем в недавней войне».

Ну а со всем этим уже сегодня же вечером должно было, наконец, наступить прояснение. Вестовым из штаба ему было передано указание быть у полковника фон Оффенберга к 19.00.

– Очень интересно! – Лешка очнулся от мыслей и оглядел замерших в строю егерей. – Сегодня и завтра у всех прибывших вчера с Дуная солдат будет отдых. Затем продолжится обучение и несение повседневной службы в полном ротном составе. Для всех остальных наш распорядок не меняется, он подпоручиком Гусевым здесь и так уже хорошо отлажен. Вольно! Рота, разойдись! – скомандовал он егерям и четырехшереножный строй быстро рассыпался.

– Господа офицеры! – воскликнул Живан. – Можно вас всех попросить задержаться? Ровно через неделю, в следующий четверг, приглашаю вас к себе на семейный ужин. Мы по прибытии сюда сразу же сняли приличный домик с садом в предместьях и все будем рады вас видеть у себя в гостях. Хотел бы вас всех познакомить со своими близкими, отметить наше счастливое прибытие в дружеском кругу, да и просто отдохнуть в непринужденной обстановке.

– О, это прекрасно! – восторженно выкрикнул Бестужев. – Я уже и забыл, когда был в последний раз в приличном обществе с гражданскими людьми. – Вокруг одни лишь ваши морды в картузах с волчьими хвостами, – толкнул он плечом Хлебникова Славку. – А еда будет из сербской кухни или опять привычный армейский порцион? – и он подмигнул Алексею.

– Южная, славянская кухня примерно вся между собой похожая, – усмехнулся Милорадович. – Незначительные различия, конечно же, в ней имеются, но этот так, только для больших знатоков. Главное, чтобы ее готовили сведущие в этом деле люди, и обязательно с душой, а моя мама и тетушка Антония – прекрасные хозяйки, при самых прилежных помощницах. Да

и дяде всегда удавались мясные блюда. Можете даже не сомневаться, господа, вам у нас очень понравится. Если командир не против, то я бы пригласил к себе еще и нашего Курта. Кстати, это именно он посоветовал мне хозяина такого удачного дома. В противном случае мы бы, наверное, мыкались в поисках жилья еще долго. Война закончилась, господа, наш Курт совсем скоро уволится из армии. И, как знать, будем ли мы потом с ним вообще видеться?

– Я, разумеется, не против. А как все остальные? – Алексей оглядел своих офицеров.

– Мы только – за, конечно же – за! – загомонили те в ответ.

– Ну вот и прекрасно, – улыбнулся Живан. – Тогда ждем вас в следующий четверг к шести вечера. И просьба никому не опаздывать!

Алексей шагнул вместе с Гусевым по направлению к госпиталю. В нем на излечении сейчас оставалось четверо егерей с наиболее серьезными ранениями. Остальные пятеро были в месте проживания личного состава и наблюдались там ротными лекарями Мазурина.

– Даже не знаю, куда Карпыча вывезли, Алексей, – пожал плечами подпоручик. – Мы ведь как с вами на реке расстались, три дня марша, и сразу же к себе в распоряжение прибыли. Я на следующий день в госпиталь пришел, чтобы навестить наших, а там только Милушкин остался. Я к нему: «Авдейка, а Карпыч где?» «Да намердн, – говорит, – отправили обозом в сторону Фокшан». Я к Дементию Фомичу, а тот руками разводит: приказ из главного штаба освобождать места для новых раненых. Дескать, совсем скоро из-за реки их подвезут, а тут класть некуда. «Хотел и того, второго вашего с ногой отправлять, да, боюсь, рана у него откроется, только-только вот начала недавно заживать», – говорит. А там через несколько дней и правда из-за реки полевые лазареты прибыли, ну я с Фомичом договорился, всех наших под особый контроль взяли. Половина уже с госпиталя вышла или у нас, в роте, долечивается, а кто и вовсе в строй встал.

– Да-а, нехорошо с Карпычем вышло, – вздохнул Егоров. – Я же ему обещал, Серег, что мы его ни за что не бросим. Вот где теперь нашего дядьку искать? Рассея-матушка – страна огромная. Запрут в какую-нибудь дыру, где он в инвалидном подвале зачахнет.

В монастыре Колцей, где располагался главный гарнизонный госпиталь, царила такая же суета, как и обычно. По двору слонялись раненые и хворые солдаты. В отгороженный плетнем угол, покрытый сверху парусиной, на глазах у егерей вынесли на носилках два завернутых в серую мешковину тела и положили их к тем трем, что тут уже были. Дюжий дядька с кровавыми брызгами на унтерском мундире и с закатанными по локоть рукавами громко звал какого-то Гришку. Из двух крытых выцветшим полотном повозок группа солдат вытаскивала мешки с провиантом.

– Колокольцева могу хоть завтра в роту отпустить, – наморщив лоб, пробежался по спискам Дементий Фомич. – У вашего Мазурина он и долечится, а через пару недель, Бог даст, уже и в строй встанет. Так, Крылов Яков, нет, вот этому нужно еще время, – покачал он головой. – Там пуля большой кусок мяса вырвала, нужно еще подождать, чтобы все у него заросло. А к вам его отдай, так он тогда и бегать начнет, а рана ведь загноиться может. Пусть еще пока у нас полежит, потом поглядим, как там все у него будет через пару недель. Угу, у Милушкина нога зарастает. Сам каждый день на обходе ее смотрю – не налюбуюсь. А ведь когда-то отрезать даже хотел. Повезло солдату. Совсем скоро его к вам отпущу. Ну а по Елкину тут уж все понятно! – вздохнул врач. – Обезноженный. Как рана совсем срастется на культе, так буду списывать его со службы и отправлять в Россию. Все, отвоевался ваш солдатик. А по Карпычу, Алексей, ну никак я не мог у себя его оставить. Там и надо мной люди тоже так-то есть, а тут еще со столиц эти шибко умные понаехали. Вот только на прошлой неделе все они обратно к себе вернулись, небось, за наградами и с докладом, как они здесь порядок на местах навели. А у нас самого простого, даже легкого полотна на повязки, здесь не хватает. Ладно вот, хоть с провиантом недавно наладилось.

– Да я ничего, Дементий Фомич. Спасибо, вы и так нас опекаете, – поблагодарил врача Егоров. – Вы придержите пока Потапа Елкина, не отправляйте его никуда, а мы уж в долгу не останемся, – и, как тот ни протестовал, сунул ему в карман небольшой кожаный кошелек. – Не обижайтесь, Дементий Фомич, это вам в знак нашей признательности. Скольким уже солдатам вы здоровье и даже саму жизнь сохранили!

Было заметно, что врачу очень приятно это признание такого его непростого и важного труда. И он, покраснев, пробормотал слова благодарности:

– Спасибо Алексей. Я постараюсь по своим связям узнать, куда отправили вашего унтер-офицера Зубова. Ну а вы через армейскую канцелярию уточните. Думаю, уж не откажут такому-то герою, – и он, улыбнувшись, кивнул на прикрепленный к зеленому доломану Георгиевский крест.

В 19.00 Лешка стоял уже перед крепкой дубовой дверью в кабинет своего начальника.

– Заходи, Егоров! – раздался из-за нее такой знакомый ему голос. – Тихо, тихо ты, да не ори так! – оборвал он привычный доклад офицера. – Живой, здоровый, бодрый! – с улыбкой оглядывал его с головы до пят полковник. – Ну давай, подсаживайся к столу, у нас ведь не зря в России говорят, что в ногах правды нет, а разговор-то, он у нас с тобой долгим будет.

Генрих Фридрихович, откинувшись на спинку своего массивного стула, иронично улыбался.

«У начальства хорошее настроение, – понял Алексей. – Ну, значит, разноса за самостоятельность в Белграде не ожидается. Наверное, сдержал слово Баранов. Уже хорошо!»

– Чего ты задумался? – усмехнулся барон, словно сканируя Лешку своим взглядом. – Да не бойсь, капитан, ругать мне тебя не за что. Вчера не мог тебя с докладом принять, ибо готовили доставленного вами самозванца к отправке в столицу. Ну и так потолковать с ним мне тоже нужно было. В общем, особое это задание оттуда, – и он кивнул на потолок, – выполнено нами всеми безупречно. Вывозили негодника вы совсем не там, где предполагали многие большие люди, а ведь именно наш этот третьестепенный вариант как раз таки и сработал. О как! – и он довольно хмыкнул. – Доставили вы его в полном здравии, несмотря на все опасности, и он уже много чего нам интересного наговорил. Главное, о том, кто его и для какой роли там, в Стамбуле, готовил. Но в это... кхм... мы с тобой углубляться, пожалуй, уже не будем. Пусть кому положено с этим там разбираются.

Баранов и Ветров о твоих действиях оставили самые лестные отзывы в письменном виде. Пиши подробный рапорт и ты, отправим все вместе в военную коллегия следующей курьерской почтой. Самое главное, Егоров, ты теперь полностью обелен, и никто, повторюсь, никто здесь тебя больше не сможет лягнуть. Ну а придет время, это наше секретное дело с выходом в Белград оценится по заслугам, ты уж мне поверь, такое власть никогда не забывает. Уж я-то это хорошо знаю, – и Фридрихович довольно, словно бы кот, объевшийся сметаны, улыбнулся.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.